

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за массовые беспорядки»

Студент

М.Ф. Ерёмин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

Актуальность исследования. С обострением конфликта интересов государств на международной арене, событиями на Украине, информационным давлением в средствах массовой информации в российском обществе усилилась напряженность, активизировала свою деятельность радикально настроенная часть населения. Следовательно, вопросы, связанные с уголовно-правовыми мерами обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, имеют первостепенное значение для государства. За последние годы наблюдалось увеличение случаев массового возмущения общественного спокойствия.

Цель исследования – выявление на основе уголовно-правовых норм, материалов правоприменительной практики, трудов отечественных авторов элементов и признаков состава массовых беспорядков, предусмотренного УК РФ, существующих проблемных вопросов, связанных с толкованием и применением УК РФ, а также предложение мер, направленных на то, чтобы законодательная регламентация и правоприменительная практика были усовершенствованы.

Задачи исследования – рассмотреть сущность массовых беспорядков, а также определение данного понятия, исследовать зарубежное законодательство о массовых беспорядках, охарактеризовать особенности объективных и субъективных признаков массовых беспорядков, разработать рекомендации, направленные на совершенствование законодательства об уголовной ответственности за массовые беспорядки.

Структура дипломной работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретические основы исследования массовых беспорядков.....	7
1.1 История отечественного уголовного законодательства об ответственности за массовые беспорядки.....	7
1.2 Ответственность за массовые беспорядки по зарубежному законодательству.....	11
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков	22
2.1 Объект и объективная сторона массовых беспорядков	22
2.2 Субъективная сторона массовых беспорядков	42
Глава 3 Проблемы квалификации массовых беспорядков	50
3.1 Проблемы соотношения массовых беспорядков и хулиганства	50
3.2 Проблемы соотношения массовых беспорядков и вооруженного мятежа.....	62
Заключение	71
Список используемой литературы и используемых источников.....	76

Введение

Актуальность исследования. В связи с обострением конфликта интересов государств на международной арене, событиями на Украине, информационным давлением в средствах массовой информации в российском обществе усилилась напряженность, активизировала свою деятельность радикально настроенная часть населения. Следовательно, вопросы, связанные с уголовно-правовыми мерами обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, имеют первостепенное значение для государства. За последние годы наблюдалось увеличение случаев массового возмущения общественного спокойствия.

В период демократических преобразований, которые происходили в современном обществе, становятся популярными явления массового характера, включающие проведение различных шествий, демонстраций, митингов и т.п. В данных сложившихся условиях возникает распространенность и явления массового характера, которые носят в себе негативные оттенки, могущие причинить или причиняющие ущерб общественной безопасности или общественному порядку. В связи с этим, весьма обоснованным можно считать вывод, по причине которого стоит ожидать эскалацию такого рода преступлений, как массовые беспорядки. В некоторых отдельных регионах и субъектах это и происходит.

Степень разработанности исследования. Вопросами уголовно-правовой характеристики массовых беспорядков занимались такие авторы как Абдульманов А.А., Арипов Э.А., Багмет А.М., Безрукавников Г.А., Григорьев В.Н., Гулько А., Демидов Ю.Н., Журавлев Р.А., Забарин С.Н., Неклюдов В.Г., Перфилов К.А., Петров С.В., Поленов Г.Ф., Пономарев В.П., Черенков А.М., Юрчевский С.Д. и другие.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных проблеме массовых беспорядков и вопросам обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, тем не менее, сохраняется

необходимость изучения обозначенной темы с учетом современных реалий. Кроме того, актуальность исследования обусловлена отсутствием законодательного понятия массовых беспорядков, разъяснений высшего звена судебной системы РФ о практике применения ст. 212 УК РФ.

В связи с повышенной опасностью и быстрым темпом распространения массовых беспорядков возникло немало вопросов, которые требуют постоянного и углубленного изучения. Все вышеизложенное свидетельствует об актуальности темы исследования.

В качестве объекта исследования в данной работе выступают общественные отношения, которые появляются относительно уголовной ответственности за массовые беспорядки.

Предметом исследования выступают уголовно-правовые нормы об ответственности за массовые беспорядки, правоприменительная практика в данной сфере, труды отечественных авторов о данных преступлениях.

Целью настоящей работы является выявление на основе уголовно-правовых норм, материалов правоприменительной практики, трудов отечественных авторов элементов и признаков состава массовых беспорядков, предусмотренного УК РФ, существующих проблемных вопросов, связанных с толкованием и применением УК РФ, а также предложение мер, направленных на то, чтобы законодательная регламентация и правоприменительная практика были усовершенствованы.

Указанная цель исследования обусловила необходимость решения ряда задач, а именно:

- рассмотреть исторические периоды развития уголовной ответственности за массовые беспорядки;
- рассмотреть сущность массовых беспорядков, а также определение данного понятия;
- исследовать зарубежное законодательство о массовых беспорядках;
- охарактеризовать особенности объективных и субъективных признаков массовых беспорядков.

Теоретической основой исследования являются работы ученых: А.А. Абдульманова, А.З. Ильясова, А.И. Якунина, А.М. Багмета, А.Ф. Ахметханова, В.С. Комиссарова, П.В. Агапова, С.А. Хохрина, С.В. Векленко, Э.А. Арипова, Ю.Н. Демидова и других.

Методологическую основу составляют общенаучный диалектический метод познания, общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные методы: системно-структурный, формально-юридический, ретроспективный, сравнительно-исторический и др.

Нормативную основу исследования составляют: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и другие нормативно-правовые акты.

Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы исследования массовых беспорядков

1.1 История отечественного уголовного законодательства об ответственности за массовые беспорядки

Прежде чем исследовать такое общественно опасное деяние, как массовые беспорядки, необходимо изучить исторические этапы развития уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с деяниями, подобными массовым беспорядкам по современному уголовно-правовому законодательству Российской Федерации.

Ст. 79 Пространной Правды была установлена ответственность за поджог двора или гумна – постройки, предназначенной для хранения и молотбы зерна. Как отмечается в юридической литературе, данная норма является очевидным свидетельством того, что составители Пространной Правды добивались принятия норм, предусматривающих уголовную ответственность для лиц, открыто выступающих против них [59]. Ст. 6 Новгородской судной грамоты содержала запрет на «наведение наводков» – побуждение толпы к нападению на противную сторону в судебном процессе или представителей суда [51]. Судебник 1497 г. в ст. 9 предусматривал ответственность так называемых «подымщиков». Ст. 18-22 Соборного Уложения 1649 г. устанавливали уголовную ответственность за деяния, совершенные «скопом или заговором». Уложение не раскрывало содержание используемых в законе понятий. В литературе по этому поводу высказаны различные мнения [68].

Э.А. Арипов не согласился с таким определением терминов и указал, что в измене умысел складывается из намерения совершить такое действие, которое, принося ущерб интересам Московского государства, служило бы к прямой пользе иной государственной власти, а в «скопе и заговоре» сознанию действующих субъектов (толпе) совершенно чужда идея об

интересах и пользе какой-либо государственной власти... В «скопе и заговоре» умысел не идет дальше стремления воздействовать на власть, чтобы добиться от нее определенного решения. «Скоп и заговор», удачно доведенный до конца, оставляет в неприкосновенности всю полноту верховной власти, не ведет ни к смене династии, ни к умалению территории [10, с. 78-79].

В период XVII-XX вв. законодатель устанавливает ответственность за «возмущение» и «бунт», определяет понятия скопища, осуществляет попытки определить роль и степень вины участников данных преступлений.

Так, в Артикуле воинском была предусмотрена глава 17 «О возмущении, бунте и драке». Артикул 133 обращает внимание на опасность сходбищ и собраний через их абсолютный запрет для любых целей, в том числе и не имеющих негативного характера, поскольку любые массовые мероприятия могут перерасти в возмущение или бунт [11].

Примечательным является и то, что в данной главе Артикула 1715 г. совершены попытки определить роль и степень вины участников таких преступлений, как возмущение и бунт.

Например, артикулом 134 устанавливалась ответственность за организационные действия в современном их понимании.

Артикулом 135 – подстрекательство к бунту и возмущению, артикулом 136 – несообщение о готовящемся бунте и мятеже лицами, которым было о них известно [11].

Таким образом, составителями Артикула достаточно четко осознавалась опасность указанных действий и необходимость применения суровых мер для подавления возмущений и бунтов. Полагаем, что возмущение и бунт являются прообразом современных массовых беспорядков.

Принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ознаменовало более детальную регламентацию преступлений, совершаемых

толпой. Полагаем, что указанное преступное деяние можно рассматривать в качестве подстрекательства в форме призывов к участию в бунте.

Примечательным является и то, что законодатель того периода предусмотрел более мягкое наказание для лиц, не сумевших довести преступный умысел до конца по причине обнаружения их заговора на совершение и участие в бунте со стороны государства, что по своей сути является прототипом современного института приготовления и покушения на преступление [67, с. 1-5].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. привело более детальную регламентацию деяний, совершенных толпой, и относило их к преступлениям против верховной власти. Законодателем был установлен обязательный признак бунта – вооруженность. Полагаем, что имеются основания рассматривать преступление, ответственность за совершение которого была предусмотрена ст. 271 Уложения, в качестве модели преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ.

Уголовное уложение 1903 г. предусматривало ответственность за преступления, которые носили характер противодействия исполнительной власти государства. Данным преступлениям посвящена глава 5 Уголовного уложения – «О смуте». По ст. 121 наказывались участники скопища, заведомо осведомленные о преступной цели, с которой данное скопище собиралось. Как подмечается в юридической литературе, указанное обстоятельство было весьма трудно установить на практике при расследовании каждого конкретного случая. Согласно ст. 122 ответственность участников скопища возрастала, если они оказывали сопротивление или вызывали принуждение, обозначенные ст. 142, ст. 145 Уложения 1903 г. [77, с. 222-245].

В УК РСФСР 1922 г. были впервые сформулированы составы преступления массовые беспорядки, которые были помещены во второй раздел «О преступлениях против порядка управления» главы I «Государственные преступления». Ст. 75 УК РСФСР 1922 г. не раскрывала

понятие массовых беспорядков, однако, определяла альтернативные признаки, которыми сопровождалось данное преступление, а именно: погромы, разрушения путей и средств сообщения, освобождение арестованных, поджоги и т.п., если при этом участники беспорядка были вооружены [85]. Ст. 77 УК РСФСР 1922 г. наказывалось участие в массовых беспорядках без отягчающих обстоятельств. В этом случае различие проводилось между организаторами и подстрекателями и всеми другими участниками беспорядков (исполнителями, пособниками, укрывателями) [91]. Согласно ст. 83 УК РСФСР 1922 г. признавались уголовно наказуемым деянием агитация и пропаганда всякого рода, заключающая призыв к массовым беспорядкам. В соответствии со ст. 82 УК РСФСР 1922 г. их участники, не совершившие тяжких преступлений и вовлеченные в беспорядки по малосознательности и невежеству, могли быть приговорены к условному наказанию [85].

01 января 1927 г. вступил в действие Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. УК РСФСР 1926 г. (ст. 59.2) и союзное Положение о преступлениях государственных 1927 г. (раздел «Особо опасные для Союза ССР преступления против порядка управления»). Обязательным признаком состава преступления являлось оказание явного неповиновения законным требованиям властей или противодействие исполнению последними возложенных на них обязанностей, а также понуждение их к исполнению явно незаконных требований [85]. По сравнению с УК РСФСР 1922 г. в данном кодексе была исключена ответственность за призывы к массовым беспорядкам.

УК РСФСР 1960 г. ответственность за массовые беспорядки была предусмотрена ст. 79, которая была помещена в раздел II «Иные государственные преступления» главы I «Государственные преступления». Состав рассматриваемого преступления был определен как «организация массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами, поджогами, разрушениями и другими подобными действиями, а равно непосредственное

совершение их участниками указанных выше преступлений или оказание ими вооруженного сопротивления власти» [85]. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. по-прежнему не давалось определение понятия «массовые беспорядки», что значительно усложняло правильную квалификацию противоправных действий, совершаемых в ходе групповых нарушений общественного порядка. Законодатель отказался от выделения ответственности за деяния, прямо предусмотренные в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г.

В УК РФ 1996 г. ст. 212, предусматривающая ответственность за массовые беспорядки, помещена в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности» [84].

Современный этап развития законодательства характеризуется непрерывным осмыслением состава массовых беспорядков со стороны законодателя и расширением круга деяний, совершение которых запрещается ст. 212 УК РФ. В настоящее время массовые беспорядки могут сопровождаться наравне с поджогами и погромами и уничтожением имущества, применением оружия и иных предметов, представляющих опасность для окружающих. Однако все еще существует ряд проблем, с которыми приходится сталкиваться как в практической деятельности, так и на теоретическом уровне.

1.2 Ответственность за массовые беспорядки по зарубежному законодательству

В правовых системах большинства зарубежных государств, как и в России, предусмотрена именно уголовная ответственность за массовые беспорядки.

Для начала рассмотрим такую ответственность в странах постсоветского пространства. В качестве объектов сравнения рассмотрим

уголовное законодательство Азербайджана, Белоруссии, Кыргызстана, Украины.

Уголовное законодательство Азербайджана предусматривает ответственность за массовые беспорядки в ст. 220 УК Азербайджанской Республики (далее – УК АР). Данное преступление находится в главе 25 именуемой «преступления против общественной безопасности», что указывает на родовый объект преступного посягательства «общественную безопасность». Уголовная ответственность за данное преступление дифференцирована на два состава: организация массовых беспорядков и призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, к другому насилию над гражданами (может быть рассмотрено как подстрекательство к соответствующим преступлениям). Как видно, само участие в массовых беспорядках не квалифицируется по ст. 220 УК АР [78].

Сравнение санкций ст. 220 УК АР и ст. 212 УК РФ позволяет утверждать о том, что такие преступления относятся к категории тяжких, за которые в качестве наиболее строго наказания применяется лишение свободы. В Азербайджане это лишение свободы от 4 до 12 лет, в РФ – от 8 до 15 лет.

Уголовная ответственность за массовые беспорядки в Республике Беларусь предусмотрена в ст. 293 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее – УК РБ). Ответственность в данной норме дифференцирована на три состава. Первый из них это организация массовых беспорядков, второй – это участие в массовых беспорядках, третий – это действия подготовительного характера, связанные с подготовкой и обучением лиц для участия в массовых беспорядках, с их финансированием.

Сравнивая диспозиции российской и белорусской нормы за организацию массовых беспорядков, отметим, что «набор» признаков массовых беспорядков в отечественной норме значительно больше. Так, в ч. 1 ст. 193 УК РБ, говорится об уголовной ответственности за организацию

таких массовых беспорядков, которые сопровождаются «насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества или вооруженным сопротивлением представителям власти» [82].

В российском варианте, кроме перечисленных признаков объективной стороны преступления также указывается на применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих или других веществ и предметов, которые представляют опасность для окружающих [66, с. 273-280].

Такое изложение диспозитивной стороны выглядит более правильным, поскольку не всякое применение оружия и прочих подобных предметов, может быть связано с вооружённым сопротивлением представителям власти. С другой стороны, применение таких предметов, практически во всех случаях связано с насилием над личностью.

В целом, представляется, что отечественный вариант изложения диспозиции выглядит более объёмным и всеохватывающим в сравнении с белорусским. Ещё одна особенность заключается в том, что в УК РФ ответственность за подготовку лиц к участию в массовых беспорядках изложена в ч. 1 ст. 212 УК РФ и фактически приравнивается к организации массовых беспорядков, а в УК РБ, это отдельный дифференцированный состав преступления, изложенный в ч. 3 ст. 293 УК РБ [82].

Что касается размера санкции, то организация массовых беспорядков как в РФ, так и в Беларуси в качестве максимальной санкции может быть наказана 15 годами лишения свободы.

Ещё одно отличие заключается в том, что в Беларуси не предусмотрена отдельная ответственность за призывы к массовым беспорядкам (в отличие от РФ, Азербайджана и многих других государств). При этом, логично предположить, что такая ответственность может быть реализована посредством включения таких действий в организацию массовых беспорядков, или через подготовку к совершению преступления, соучастие в массовых беспорядках в форме подстрекательства.

В Республике Кыргызстан уголовная ответственность за массовые беспорядки предусмотрена в ст. 272 Уголовного кодекса Республики Кыргызстан. Первая часть указанной нормы предусматривает ответственность за организацию массовых беспорядков. Изложение диспозиции массовых беспорядков, а также санкция нормы полностью аналогично российскому (кроме, действий по подготовке к массовым беспорядкам). Предусмотрена ответственность и за участие в массовых беспорядках, что наказывается лишением свободы на срок от 3 до 8 лет, а также за призывы к ним [81].

В ст. 294 Уголовного кодекса Украины массовые беспорядки отнесены к преступлениям против общественного порядка и нравственности. Таким образом, в качестве родового объекта преступления выступает не общественная безопасность, а общественный порядок. Такой «выбор» законодателя выглядит не вполне обоснованным. Безусловно, общественный порядок нарушается, но необходимо понимать, что характер преступления таков, что он затрагивает безопасность отдельно взятого человека и общества в целом, поскольку массовые беспорядки могут повлечь за собой причинение смертей, иного тяжкого вреда здоровью, экономические убытки как следствие повреждения имущества граждан, организаций и государства, нарушить нормальную работу государственных органов и других важных учреждений (в т.ч. медицинский), учреждений исполнения наказаний и т.п. В целом, необходимо констатировать, что главным объектом посягательства выступает именно безопасность общества в целом.

Имеет свои особенности конструкция ст. 294 УК Украины. Часть первая представляет собой основной состав, который включает в себя как действия по организации массовых беспорядков, так и непосредственное активное участие в массовых беспорядках. Особенностями массовых беспорядков по законодательству Украины является то, что последние могут также сопровождаться и захватом зданий или сооружений, а также насильственным выселением граждан.

Наказание за организацию и за участие в массовых беспорядках может быть назначено в пределах от 5 до 8 лет лишения свободы. В качестве квалифицированного состава законодатель предусматривает такие последствия, как гибель людей или другие тяжкие последствия, что влечёт за собой наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет [87]. Как мы можем наблюдать, уголовная ответственность за массовые беспорядки в Украине имеет свои особенности, фактически не являются отдельным преступлением подготовка к массовым беспорядкам способом подготовки желающих принять в этом лиц, их финансовое и другое обеспечение.

С другой стороны, несомненно, заслуживает на положительную оценку выделение такого квалифицирующего признака как наступление тяжких последствий (среди которых, основное- гибель людей). Также обращает на себя внимание употребление дефиниции «гибель людей», что по своему буквальному пониманию не соответствует дефиниции умышленного убийства. Исходя из этого, в уголовном законодательстве Украины, в случае совершения в ходе участия в массовых беспорядков умышленного причинения смерти другому человеку, уголовная ответственность будет наступать по совокупности преступлений и исключительно для лиц непосредственно совершивших убийство, а также его пособников, а гибель, когда причинно-следственная связь между действиями участника или организатора массовых беспорядков и наступлением смерти не является прямой, а смерть может наступить и по причине стечения обстоятельств (по сути, несчастного случая), которые были сформированы непосредственно в следствие массовых беспорядков.

В качестве примера можно смоделировать ситуацию, когда участники массовых беспорядков мешают проезду машины скорой помощи и пациент, требующий незамедлительной помощи, скончался, не были допущены пожарные и другие аварийные службы к месту массовых беспорядков, что, например, повлекло гибель людей в пожаре. Несомненно, ответственность за такие действия должны быть более строгая. Данный пример, как

представляется, может быть рассмотрен как одно из дальнейших направлений совершенствования отечественной уголовной ответственности за массовые беспорядки в Российской Федерации.

Далее рассмотрим отдельные примеры уголовной ответственности за массовые беспорядки в странах «дальнего» зарубежья.

В первую очередь, обратим внимание на Китайскую Народную Республику. Данное преступление в УК КНР носит название «массовые общественные беспорядки». Ещё одной особенностью является то, что ответственность за совершение массовых беспорядков предусмотрена не в одной статье, а в нескольких. В ст. 290 УК КНР предусмотрена ответственность зачинщиков и активных участников массовых беспорядков. Роль зачинщика в КНР аналогична роли организатора в отечественном уголовном законодательстве. Обязательным условием уголовной ответственности зачинщика и активного участника является наступление определённых общественно-опасных последствий, среди которых: невозможность нормального осуществления рабочей, производственной, хозяйственной, преподавательской и научно-исследовательской деятельности, и явившихся причиной значительных убытков, при отягчающих обстоятельствах, невозможность осуществления нормального функционирования государственного органа и причинившего значительный ущерб. Наказание за данный вид преступления зависит от направленности совершённых действий, если они повлияли на работу государственных органов, то высший предел лишения свободы будет равен 10 годам, если нет, то 7 годам [80]. В ст. 291 УК КНР предусмотрена ответственность за те же действия, что предусмотрены в ст. 290 УК КНР, если они были совершены в отдельных категориях общественных мест: «транспортные станции, причалы, аэропорты гражданской авиации, рынки, парки, кинотеатры, выставки и стадионы или в других общественных местах» [34, с. 98]. Существуют и другие разновидности уголовно-наказуемых массовых беспорядков, которые предусмотрены ст. 292 УК КНР. К ним относятся: неоднократные массовые

драки, участие в массовой драке большого количества людей, крупные массовые драки; негативное влияние драки на общество, массовая драка в общественных местах или на важнейших транспортных магистралях, серьезно нарушающая общественный порядок; массовая драка с применением оружия более строгому наказанию подвергаются массовые драки, которые привели к тяжелым увечьям или смерти относятся к особо квалифицированному составу [80]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные составы массовых беспорядков в КНР весьма сходны с уголовно-наказуемым хулиганством в РФ. Сходство заключается в том, что к массовым нарушениям порядка в КНР, например, как указывалось выше, относятся групповые драки в общественных местах. В РФ такие действия, могут быть квалифицированы либо как административное правонарушение, либо, при наличии дополнительных признаков, указанных в ст. 213 УК РФ – как уголовно-наказуемое хулиганство. Таким образом, главное отличие уголовной ответственности за массовые беспорядки в КНР и в РФ, заключается в том, что в КНР групповые нарушения общественного порядка, т.е. хулиганство, воспринимаются законодателем как разновидности массовых общественных беспорядков, что не свойственно для отечественной уголовно-правовой доктрины, которая квалифицирует такие действия в качестве хулиганства.

Рассмотрим другие примеры. Уголовная ответственность за деяния аналогичные массовым беспорядкам в России, в Германии квалифицируются как «нарушение общественного спокойствия, сопряженное с насильственными действиями группы лиц, относится к преступлениям против общественного порядка (раздел 7. Наказуемые деяния против общественного порядка)» [88].

Таким образом, закономерно предположить, что данное преступление в Германии имеет в качестве объекта своего посягательства общественный порядок. При этом, отдельная (дифференцированная) ответственность организаторов, подстрекателей и участников не выделена. Однако

различается ответственность в зависимости от объекта нападения и наступления отдельных отягчающих обстоятельств.

Ответственность за массовые нарушения общественного порядка в Голландии как таковая отсутствует. При этом, предусмотрена уголовная ответственность по ст. 186 УК Голландии за «отказ прекратить участие в незаконном сборище и уйти после третьего приказа, отданного компетентными властями или от их имени – тюремное заключение не более трех месяцев или штраф второй категории» [79]. Размер санкции за такие преступления относительно незначителен: от штрафа до ареста на срок до трёх месяцев.

Более тщательно регламентирована уголовная ответственность за массовые беспорядки во Франции. Уголовная ответственность за преступления такого характера расположена в отдельном разделе УК Франции 1994 года, который называется «О противоправном участии в сборище» расположенный в той части УК Франции. Объектом уголовно-правовой охраны, судя из названия данного раздела государственная власть [89]. Из этого, можно сделать вывод о том, что в качестве объекта посягательства массовых беспорядков французский законодатель предусматривает именно государство, и его государственная власть. Данная концепция отличается от отечественной, в которой родовым объектом посягательства выступают общественная безопасность и общественный порядок. Во-первых, в УК Франции предусмотрена ответственность за отказ разойтись сборищу (любое скопление людей в общественном месте, которое способно нарушить общественный порядок). В случае, если публичные требования разойтись были проигнорированы дважды, это даёт право органам правопорядка применять силу. Более строгая ответственность в УК Франции предусмотрена для организатора сборища (как вооружённого, так и невооружённого) (ст. 431-4 УК Франции и ст. 431-5 УК Франции). В случае участия в не вооружённом сборище максимальная санкция может составлять до 1 года, в вооружённом – до трёх лет [89].

В Швейцарии массовые беспорядки являются преступлением, посягающим на общественное спокойствие, что сходно с отечественной категорией «общественный порядок». Как и во Франции, в Швейцарии массовые беспорядки совершаются группой лиц именуемой «сборище». Отдельно выделяется ответственность организаторов и участников сборища совершающего действия насильственного характера в отношении человека в общественном месте (в зависимости от степени вины и наступления общественно-опасных последствий, это может быть либо тюремное заключение, либо штраф). В качестве поощрительной меры содержится указание на освобождение от уголовной ответственности тех лиц, которые, добровольно, по требованию власти, прекратят свои действия (ст. 260 УК Швейцарии) [90]. В уголовном законодательстве Швеции, ответственность за массовые беспорядки дифференцирована в зависимости от роли участников массовых беспорядков, и от поведения участников таких беспорядков, после выдвижения властями требований прекратить неправомерные действия. В целом, предусмотрено, что данные действия посягают на общественный порядок. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что совершение группового насилия против власти и публичного управления считается менее тяжким преступлением, чем совершение такого же насилия в отношении лица [91]. Уголовная ответственность за массовые беспорядки в УК Кореи предусмотрена в ст. 115. Диспозиция нормы сформулирована следующим образом: «лица, собравшиеся в большом количестве и использующие насилие или запугивание либо совершающие разрушительные действия» [83]. В качестве возможных санкций предусмотрены штрафы, каторжные работы, тюремное заключение. В Японии уголовная ответственность дифференцирована для организаторов, участников массовых беспорядков, которые их совершили и для лиц, которые не выполнили требования разойтись, но не подчинились ему (ст. 106 и 107 УК Японии) [92].

Имеет свои особенности уголовная ответственность за массовые беспорядки в государствах англосаксонской системы права. Так, в главе 102 Федерального уголовного кодекса США «Учинение беспорядков» (Riots), которая предусматривает два основных состава преступления:

- какой-либо акт или акты насилия одного или более лиц из скопления трех и более лиц, если акт или акты создают явную и налично существующую опасность или реально причиняют вред имуществу или личности какого-либо иного индивида, или
- угрозу, либо угрозы совершения какого-либо акта или актов насилия одним или более лицами из скопления трех и более лиц, способных, индивидуально или коллективно, немедленно исполнить такую угрозу или угрозы, когда выполнение угрозы или актов насилия может создать очевидную и наличную опасность или реально причинить вред имуществу или личности какого-либо иного индивида [46 с. 127].

Ответственность за деяния аналогичные массовым беспорядкам в Великобритании, урегулирована в Акте об охране общественного порядка, действующим в Великобритании с 1 апреля 1986 г. Согласно данному акту массовые беспорядки определяются следующим образом: «Если двенадцать или более лиц применяют или угрожают применить насилие в отношении других лиц или собственности общественного пользования таким образом, что человек, обладающий умеренной твердостью духа, испытывал бы страх за свою личную безопасность, то каждый применяющий незаконную силу будет обвиняться в организации массовых беспорядков с назначением наказания до десяти лет тюрьмы» [1, с. 113].

В качестве подведения итогов настоящей главы, отметим, что подходы к пониманию сущности массовых беспорядков и к конструированию норм, предусматривающих ответственность за их совершение, кардинально различаются. Относительное единство подхода сохраняется в государствах постсоветского пространства (в большей степени, среди государств –

участников или членов СНГ). Это такие государства, как Российская Федерация, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь и Украина. Общими признаками является то, что такие преступления правило посягают не только на общественный порядок, но и на общественную безопасность, такие преступления признаются тяжкими и наказываются значительными сроками наказания. За организацию массовых беспорядков следует наказание в виде лишения свобод до 8, 10 или 15 лет (в зависимости от государства). Во всех рассмотренных примерах государств «постсоветского» пространства наиболее тяжким исходя из размера санкции составами массовых беспорядков выступает их организация и подстрекательство к совершению массовых беспорядков. Не во всех государствах уголовно-наказуемым деянием является участие в массовых беспорядках. Существенно выделяется уголовно-правовая регламентация массовых беспорядков в Украине, в которой предусмотрена дифференциация ответственности не только по степени участия в их совершении, но и в части наступивших общественно-опасных последствий.

Особенности ответственности в государствах континентальной Европы, а также в США и Великобритании заключаются в том, что там данное преступление, как правило, отнесено к посягающему, на общественный порядок, санкции за их совершение, как правило, значительно ниже в сравнении с отечественными. В таких государствах, как Япония, Франция, Швеция и некоторых других необходимо выделить такое условие наступления ответственности, как невыполнение требований публичных властей по прекращению действий, которые нарушают общественный порядок.

В целом, если сравнивать такие составы преступления с отечественным уголовным законодательством, то в последних довольно трудно различить грань между групповыми хулиганствами и массовыми беспорядками в том смысле, в котором их понимает отечественная правовая система.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков

2.1 Объект и объективная сторона массовых беспорядков

В отечественной науке уголовного права существует общепринятая концепция системы объектов преступления, с построением такой системы «по вертикали»: общий, родовой, видовой и непосредственный объект. Впервые в отечественной науке такая классификация была предложена в конце 30-х годов XX столетия В.Д. Меньшагиным и А.А. Пионтковским [93, с. 71-72]. В последствии, такой подход стал восприниматься и законодателем, найдя своё воплощение непосредственно в структуре Особенной части УК РФ.

Как показывает проведённый анализ, ст. 212 расположена в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», которая находится в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Следуя обозначенному выше подходу, вполне закономерно предположить о том, что в качестве родового объекта одновременно должны выступать и общественная безопасность, и общественный порядок, а видовым, соответственно, только общественная безопасность. В связи с этим, напрашивается первый спорный вопрос. Если общественная безопасность выступает родовым объектом для всех преступлений, расположенных в соответствующем разделе, и, одновременно с этим, видовым или непосредственным для массовых беспорядков, то может идти речь о более «широкой» и «узкой» трактовке данного понятия для всего раздела и для одной нормы соответственно. Применяя данную позицию к структурному построению раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», можно сделать вывод о том, что родовым объектом массовых беспорядков выступает как общественная безопасность, так и общественный порядок, а видовым только общественная безопасность. Ряд ученых предлагают рассматривать общественную

безопасность в широком и узком смыслах [72, с. 170]. Довольно часто для обозначения видového объекта используется понятие «общая общественная безопасность» или «основы общественной безопасности» [96, с. 171].

Анализ нормативных источников не отвечает на этот вопрос, поскольку в действующем на данный момент Федеральном законе РФ от 28 января 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [94], отсутствует легальное определение термина «безопасность». Однако, в ранее действовавшем Законе РФ от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности» [29], законодательное определение данного термина существовало. В нём безопасность была определена в качестве состояния защищённости «жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». В свою очередь, жизненно важные интересы были определены в качестве совокупности потребностей, которые необходимо удовлетворить в целях надёжного обеспечения существования и развития как личности, так и общества, и государства. Были указаны и объекты обеспечения безопасности, к которым законодатель относил: права и свободы человека» материальные и духовные ценности общества; конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность государства. Ответ на вопрос о том, какая именно «общественная безопасность» охраняется уголовно-правовой нормой ст. 212 УК РФ с учётов приведённых выше нормативных положений также не может быть дан однозначно. В качестве одного из возможных вариантов понимания общественной безопасности, в рамках последней допустимо объединить в себе безопасность личности, общества и государства в одно целое. Отвечая на вопрос о возможности трактовки общественной безопасности в узком и широком смысле и, принимая во внимание подход изложенный законодателем в уже не действующем Законе РФ 1992 года, отметим что термин «безопасность» несколько шире термина «общественная безопасность», поскольку в качестве одной из охраняемых ценностей предполагает под собой конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность государства. Посягательства на данные

объекты, даже если они совершены способом проведения массовых общественных акций и соединены с массовыми беспорядками, должны быть квалифицированы по статьям, размещённым в главе 29 УК РФ, предусматривающей ответственность за посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства.

Таким образом, необходимо разделять безопасность государства и безопасность общества. Могут ли массовые беспорядки посягать на безопасность государства в целом? Представляется, что всё зависит от их масштабов, однако, если цель организаторов или участников таких беспорядков состоит в посягательстве на государство, на конституционный строй и т.п., то такие действия уже должны быть квалифицированы по другим статьям УК РФ. Законодатель относит к ст. 212 УК РФ такие массовые беспорядки, целью которых не является посягательство на конституционный строй и на государство как таковое, однако, в силу, своих масштабов могут привести к значительной дестабилизации общества и государственного управления.

Проведённый анализ взглядов различных учёных на проблему определения непосредственного объекта массовых беспорядков, показал следующее.

Так, по мнению Р.Л. Габдрахманова, А.В. Иващенко, А.Н. Игнатова, А.В. Наумова, Б.В. Яценко в качестве непосредственного объекта массовых беспорядков выступает общественная безопасность [69, с. 406; 74, с. 292; 71, с. 427; 73, с. 233]. Существует и позиция, согласно которой, непосредственным объектом массовых беспорядков выступает только общественный порядок. Такую позицию, в своё время, высказали Г.Г. Криволапов и С.В. Кудрявцева [64, с. 249; 63, с. 242]. Особый подход использовал В.И. Гладких, который определил объект преступного посягательства как общественная безопасность, однако, само посягательство состоит из различных способов нарушений общественного порядка [40, с. 536].

Таким образом, как бы предполагается, что общественная безопасность имеет в качестве своей структуры определённые элементы общественного порядка. С.Н. Радачинский в качестве основного объекта ст. 212 УК РФ определил как общественную безопасность, так и общественный порядок [50, с. 429]. Несколько сходную с ним позицию высказал В.Д. Иванов, согласно которого, основным объектом посягательства выступают именно основы государственного управления в сфере общественной безопасности и правопорядка [72, с. 288]. Данная позиция выглядит спорной, поскольку преступление родовым объектом которого выступают основы государственного управления расположены в отдельном разделе Особенной части УК РФ. К.В. Михайлов придерживается мнения об отнесении к объекту преступления общественных отношений, которые регулируют социальную и личную безопасность, общественный порядок, спокойствие и личную безопасность представителей власти [71, с. 377]. В данном случае имеет место простое перечисление различных объектов преступного посягательства, которые как бы «собираются» воедино, образуя более обширный объект «общественную безопасность». Отметим также что, значение объекта преступления как одного из элементов состава преступления заключается в том, что он должен учитываться при квалификации действий лиц, а также, что значимость объекта преступления как охраняемой ценности, служит основанием для криминализации деяния, посягающего на такой объект. Предположим, что рассмотрение объекта массовых беспорядков в аспекте оснований для криминализации данного деяния. Рассматривая массовые беспорядки с точки зрения значимости и важности (ценности) объекта преступного посягательства для общества, обратимся к А.М. Багмету, который считает, что массовые беспорядки несут в себе опасность для обширного перечня общественных отношений, а причиняемый вред адресован не конкретному человеку, а безопасной жизни всего общества в целом, а значит, преступному воздействию подвергаются «нормальные и безопасные условия жизни всего общества» [14, с. 32]. По

нашему мнению, данный подход заслуживает внимание. Действительно, государственное управление часто сталкивается с необходимостью обеспечения балансов личного и общественного (его ещё иногда называют «публичным») интереса. То же самое относится и к соотношению интереса отдельной группы людей (объединённой по формальному или неформальному признаку) и общества в целом. В таком случае, от имени общества как бы выступает государство, поскольку именно оно является субъектом, выражающим публичный интерес, оно обязано действовать в интересах и от имени общества. В свою очередь, государство, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, провозглашает права, и свободы наивысшей ценностью и обязано их не только обеспечивать, но и защищать. При этом, в ст. 17 Конституции РФ провозглашён принцип «баланса прав и интересов», согласно которого права и свободы одного лица ограничиваются правами и свободами другого. Данные положения являются фундаментом для установления правил различных проявлений социальной (коллективной) активности граждан, в части проведения собраний, митингов, массовых акций, протестов и т.п.

Зачастую, массовые акции протестов попросту превращаются в массовые беспорядки, что уже из проявления права, превращается в его злоупотребление, да ещё и с параллельным совершением преступных посягательств (причинение вреда здоровью, повреждение имущества и т.п.). Это, в свою очередь, не соответствует интересам остальной части общества, которая, как правило, выступает в большинстве, а значит и требует соответствующей реакции государства, в виде защиты посягательства на безопасность и спокойствие такого большинства, которое, как правило «чувствует» на себе такие массовые беспорядки или может «почувствовать», если они не будут своевременно пресечены. Явно, не соответствует общественному интересу и совершение в процессе массовых беспорядков посягательства на представителей государственной власти. Именно это и обуславливает появление такой «ценности» или такой совокупности

общественных отношений (в зависимости от применяемого подхода), которая заключается в безопасном состоянии общества в целом, т.е. в общественной безопасности, которую обязано защищать государство.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения данного вопроса, отметим, что необходимость уголовной ответственности за массовые беспорядки, обусловлена важностью и значимостью безопасного состояния общества в целом и обязанностью государства предпринять необходимые меры, в т.ч. уголовно-правовые, в целях защиты данной ценности (общественных отношений) от таких посягательств, которые причиняют им наибольший вред. Представляется, что не является принципиально важным вопрос относительно того, как представить «общественную безопасность», в виде установленного порядка государственного управления, общественных отношений или как отдельная охраняемая законом ценность. Любой из предложенных вариантов, должен подразумевать охрану такого состояния общества в целом, в котором оно и каждый его член, чувствует себя в безопасности. При таком понимании объекта посягательства, как «общественная безопасность», применительно к ст. 212 УК РФ, оно, безусловно, включает в себя в качестве отдельного элемента «общественный порядок». Однако, признавая общественную безопасность в качестве объекта массовых беспорядков (непосредственного или родового, разберёмся далее), необходимо учитывать, что обязательным «требованием» к составу массовых беспорядков, является то, что последние посягают и на некоторые другие ценности, которые признаются уголовным законом в качестве отдельных объектов охраны. Это обстоятельство не может быть не учтено при определении объекта массовых беспорядков. В связи с этим, необходимо рассмотреть позицию отдельных учёных, которые относят к непосредственному объекту массовых беспорядков не общественную безопасность, а правоотношения собственности, здоровья и жизни человека как ценности, нормальный порядок управления обществом и государством. Таковую позицию высказал А.Г. Корольков [41, с. 648]. При этом,

общественная безопасность данным учёным отнесена только к родовому объекту массовых беспорядков. Обозначенный подход является спорным, поскольку противоречит большинству других представлений об объекте данного преступления, которые были указаны и рассмотрены нами выше. Вместе с тем, для объективности и всесторонности анализа объекта данного преступления, рассмотрим его подробнее. Сильная сторона данного подхода к определению объекта преступления заключается в том, что такие действия, как насилие, погромы, поджоги и уничтожение имущества (и прочие) указаны в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ и выступают обязательными альтернативными условиями признания массовых беспорядков уголовно-наказуемым деянием. Если при массовом групповом нарушении общественного порядка, не будут совершаться посягательства на перечисленные ценности (общественные отношения), то такие действия не могут быть квалифицированы как уголовно-наказуемые массовые беспорядки. В свою очередь, невозможно отрицать то обстоятельство, что насилие, совершаемое в ходе массовых беспорядков, посягает на такой объект как жизнь и здоровье человека; действия в форме погромов и повреждения имущества – на отношения собственности, а оказание вооружённого сопротивления представителям власти – на установленный порядок управления и реализации государственной власти, а также на жизнь и здоровье представителей власти. Однако все эти ценности являются отдельными объектами других преступлений, и представлять объект ст. 212 УК РФ в качестве совокупности объектов других преступлений, необоснованно. В любом случае, законодательная и доктринальная увязка массовых беспорядков с насилием, поджогами, погромами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, указывает на обязательное наличие в действиях виновных лиц хотя бы одного из дополнительных объектов посягательства.

Далее определимся с содержанием дополнительных объектов данного преступления. Большая часть учёных в качестве дополнительных объектов рассматриваемого преступления определяет жизнь, здоровье и собственность [8, с. 222; 40, с. 536; 73, с. 292; 31, с. 427]. Другие учёные дополняют данный перечень ещё и порядком управления [50, с. 429; 75, с. 406; 73, с. 429]. Существует и позиция, согласно которой в качестве дополнительных объектов могут выступать безопасность движения и эксплуатации транспорта [72, с. 171]. По мнению А.И. Якунина, к дополнительному объекту также должен быть отнесён и общественный порядок. В обоснование своего утверждения учёный определяет общественный порядок, как «совокупность общественных отношений, обеспечивающих обстановку общественного спокойствия, достойное поведение граждан в общественных местах, нормальную работу организаций, учреждений и предприятий, общественного и личного транспорта, неприкосновенность личности» [96, с. 172]. Безусловно, характер преступных действий, который совершается в ходе массовых беспорядков позволяет утверждать, что во всех таких случаях, имеет место и нарушение общественного порядка (в любом случае нарушения общественной безопасности будет нарушением общественного порядка). Исходя из этого, представляется, что выделение общественного порядка в отдельный объект ст. 212 УК РФ не будет правильным, а значит общественная безопасность в качестве своей составляющей включает в себя и общественный порядок.

На основании вышеизложенного следует сделать такой вывод. В качестве родового объекта преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки» выступают как общественная безопасность, так и общественный порядок. В свою очередь, видовым и основным непосредственным объектом массовых беспорядков, является общественная безопасность в её «узком» понимании, в состав которой входит и общественный порядок. В качестве дополнительного непосредственного

объекта выступает жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность личности, собственность и порядок управления.

Далее рассмотрим объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ.

В уголовно-правовой науке объективная сторона преступления определяется как внешнее проявление преступления в реальной действительности, доступное для наблюдения и изучения [20, с. 10-27]. В содержание объективной стороны преступления входят деяние (в виде действий или бездействия), общественно-опасные последствия; причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями, а также способ, место, время, обстановка, средства и орудия совершения преступления. Однако, в связи с тем, что состав преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, носит формальный характер (для окончания преступления, наступление общественно-опасных последствий не требуется), то определяющее значение для уголовно-правового анализа объективной стороны преступления имеет анализ именно действий в которых выражаются массовые беспорядки.

Анализ положений ст. 212 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что в ней содержится несколько различных составов преступлений, каждый из которых связан с массовыми беспорядками. В связи с этим, можно сделать вывод о том. Что законодатель пошёл по пути дифференциации уголовной ответственности в зависимости от преступной роли виновного лица и особенностей совершаемых им действий.

К таким составам преступлений относятся:

- организация массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ);
- подготовка организатора массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ);
- склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение организации массовых беспорядков (ч. 1.1 ст. 212 УК РФ);
- участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ);

- призывы к массовым беспорядкам, к участию в массовых беспорядках, призывы к насилию над гражданами (ч. 3 ст. 212 УК РФ);
- прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них (ч. 4 ст. 212 УК РФ).

Объективная сторона всех перечисленных составов преступлений совершаются в форме действий. Данные действия носят активный характер. Объективная сторона всех преступлений носит формальный характер, поскольку для окончания преступления не требуется обязательного наступления общественно опасных последствий.

Прежде чем, приступить к последовательному анализу действий, составляющих объективную сторону каждого из перечисленных составов преступлений, считаем целесообразным обратить внимание на следующее. В научной литературе существует позиция, согласно которой, для уголовно-правовой характеристики массовых беспорядков исключительно важное значение имеет установление содержания самого термина «массовые беспорядки» [14, с. 56-57]. С данным утверждением следует согласиться исходя из следующего. При совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 212 УК РФ, действия организатора направлены непосредственно на оказание организующего «воздействия» на других лиц, в целях совершения последними массовых беспорядков. В случае совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 212 УК РФ (участие в массовых беспорядках), действия участников массовых беспорядков непосредственно направлены на совершение действий, которые в своей совокупности (с действиями других участников массовых беспорядков), образуют массовые беспорядки. Для того, чтобы раскрыть объективную сторону двух обозначенных квалифицированных составов преступлений, неизбежно, возникает необходимость в раскрытие содержания «массовых беспорядков».

На первый взгляд второстепенное значение раскрытие содержания массовых беспорядков играет для целей раскрытия объективной стороны таких преступлений, как «подготовка лица для организации массовых беспорядков», «склонение, вербовка и иное вовлечение лица в участие в массовых беспорядка», поскольку совершаемые виновными лицами действия не являются массовыми беспорядками, а представляют собой действия, направление на подготовку к совершению массовых беспорядков и на подстрекательство других лиц к участию в массовых беспорядках. Однако, например, для того, чтобы привлечь лицо за подготовку к массовым беспорядкам, необходимо установить, что такая подготовка осуществлялась в целях совершения действий, являющихся массовыми беспорядками. Опять же возникает необходимость точного уяснения и установления содержания термина «массовые беспорядки».

Перечисленные аргументы указывают на то, что во всех составах преступлений, содержащихся в ст. 212 УК РФ, массовые беспорядки выступают частью объективной стороны преступления. Сложность данного вопроса заключается в отсутствии законодательного определения термина «массовые беспорядки», что обуславливает необходимость обращения к уголовно-правовой литературе. Так, в одном из комментариев к УК РФ, массовые беспорядки определяются как «серьезные нарушения общественной безопасности, совершаемые большой группой людей (толпой), которые сопровождаются насилием над гражданами, порчей имущества, оказанием вооруженного сопротивления властям, в ходе которых парализуется функционирование органов власти и управления» [37, с. 467]. В свою очередь, в качестве толпы предлагается понимать общность, которая характеризуется такими свойствами, как контактность, неорганизованность, составляющие такую общность индивиды (участники) связаны между собой высокой степенью конформизма, действия которых характеризуются высоким эмоциональным состоянием и единодушием.

В условиях агрессивно действующей толпы происходит растворение индивидуальных предостережений личности о возможных последствиях совершаемых действий, ответственность как бы рассеивается на всех участников акции [6, с. 92-93]. С данными позициями можно согласиться только отчасти. Во-первых, далеко не всегда толпа характеризуется неорганизованностью. Существует достаточно много примеров организованных массовых беспорядков. Например, столкновения радиально настроенных футбольных фанатов, попытки организованного захвата органов государственной власти и т.п. Степень организованности толпы может быть, как высокой, так и относительной, поскольку в толпе может существовать «организованное и управляемое ядро», а часть толпы (как правило, большая), может быть ведомой таким ядром в своих целях. Всё это, конечно, не отменяет наличие высокой степени стихийности и неорганизованности многих массовых проявлений нарушений общественного порядка. Возникает вопрос о количественной характеристике толпы. В.Т. Акимов отмечает также, что многие комментарии к ст. 212 УК РФ характеризуют толпу как большую группу людей [6, с. 93]. В.А. Козлов, который исследовал массовые беспорядки в период СССР, понимал под ними такие происшествия, в которых принимали участие не менее 300-х человек. [36, с. 25]. Причины установления такого количественного «ценза», скорее всего, заключались в анализе конкретных случаев, однако, такой критерий не основан на норме закона и в настоящий момент, не может быть использован для характеристики массовых беспорядков. Отметим, что в науке большинства государств-участников СНГ массовые беспорядки также характеризуются как действия толпы, например, в Украине и в Киргизской Республике [44, с. 465]. В психологии, для которой количественная характеристика толпы не имеет определяющего значения, толпа характеризуется как бесструктурное скопление людей, которые лишены ясно осознанной общей цели, однако связанных между собой уровнем своего эмоционального состояния и общим объектом воздействия [6, с. 93].

В.Н. Григорьев дал следующее определение массовых беспорядков: действия, характеризующиеся прямым или косвенным умыслом которые совершены большой группой лиц (толпой) и которые посягают на «основы общественного порядка и безопасности и сопровождающиеся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями или оказанием вооруженного сопротивления» [21, с. 5]. Таким образом, согласно позиции указанного учёного, массовые беспорядки представляют собой активные действия толпы. Обращаем внимание на то, что толпа также в психологии признаётся образованием явно неорганизованным, и большой степенью неосознанности и стихийности поведения индивида в толпе. С одной стороны, данная характеристика толпы вполне может быть заимствована и для целей уголовного права, однако, как в таком случае характеризовать общность людей, специально организованную для совершения массовых беспорядков? Вопрос остаётся открытым. При этом, в реальности встречаются как примеры совершения массовых беспорядков неорганизованной толпой стихийно, так и неорганизованной, но руководимой толпой, так и организованными группами людей. Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, толпа определяется как «множество сошедшихся вместе людей. В качестве признаков толпы выделяются следующие: состав толпы как правило случаен, участвующие в ней люди не были знакомы друг с другом до момента их объединения; толпа характеризуется стихийностью, что означает неосознанность, спонтанность, неорганизованность объединения в толпу и действия в ней; отсутствие ясности целей (как правило, существуют различные группы и индивиды, которые преследуют свои собственные цели как сходные, так и отличающиеся друг от друга) [14, с. 125]. Анализ диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ не позволяет напрямую утверждать о том, что наличие «толпы» является обязательным признаком данного преступления. Однако, как мы можем видеть из выше приведённых мнений учёных, последним признаком «толпы» указывается в качестве основного для целей определения массовых

беспорядков. Вообще термин «массовые беспорядки» можно рассматривать как беспорядки, которые носят массовый характер (по крайней мере, именно такой вывод можно сделать из буквального толкования термина). «Массовость» нарушения порядка может быть охарактеризована и как действия «толпой». Представляется, что тут принципиальное значение должно иметь не наименование признака, а его содержание. Противоправные действия толпы вполне могут выражаться и в массовом нарушении порядка, т.е. в массовых беспорядках. Как уже указывалось, какое-либо легальное определение толпы в отечественном уголовном праве и в законодательстве вообще отсутствует. Это может быть вызвано трудностями в его регламентации, в выработке именно универсальной формулировки, поскольку массовые беспорядки могут иметь кардинально различные проявления.

В связи с этим, в качестве промежуточного подведения итогов, отметим, что для целей уголовно-правовой квалификации применение термина «толпа» в понимании, которое ему придают большинство учёных, не целесообразно (если толпу понимать, как скопление людей, имеющее высокую степень неорганизованности и спонтанности). В связи с этим, считаем допустимым не указывать наличие неорганизованной толпы и спонтанности её действия как обязательный признак толпы совершающей массовые беспорядки. В подтверждение данного вывода также сошлёмся на то, что в процессе организации массовых беспорядков, а также при совершении подготовки лиц к участию в массовых беспорядках, участники преступления заблаговременно и целенаправленно подготавливают совершение данного преступления, такие действия имеют достаточно высокую степень организованности и целенаправленности, чтоб признавать их спонтанными. Элементами такой подготовки и непосредственного руководства участниками массовых беспорядков, могут выступать действия направленные на придание поведению толпы «внешне» спонтанного и неорганизованного характера. Как правило, организаторы и «ядро»

участников массовых беспорядков, которые готовят совершение данного преступления, рассчитывают на присоединение к нему неограниченного количества лиц. Такое «неопределённое количество лиц», в совокупности с организованными и действующими согласованно участниками массовых беспорядков и будут образовывать толпу. Однако такая толпа в значительной степени будет управляема за счёт организованного «ядра» (тут необходимо также сослаться на возможные исключения, когда толпа становится не управляемой). Соответственно, следует возможный вывод о том, что организованная часть участников массовых беспорядков (например, организатор и подготовленные им лица) всегда рассчитывает на вовлечение посторонних «случайных» участников с юридической точки зрения также будет не верен, поскольку это прямо опровергается существующей судебной практикой, в которой как массовые беспорядки были квалифицированы действия «закрытой» группы лиц организованной для совершения преступления, к которой не примыкали «посторонние» и действия которой были изначально спланированы и согласованы между участниками такой «толпы». В подтверждение вышесказанного приведем пример из судебной практики. Как указано в Апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.07.2019 г. №45-АПУ19-12, поводом для массовых беспорядков послужило личное оскорбление будущего организатора данного преступления и одного из потерпевших. В связи с чем, организатором для «разборки» и «стрелки» с противоположной стороной были привлечены родственники и знакомые в количестве не менее 20 человек, также были подысканы и приспособлены травматическое оружие, биты, палки и другие предметы которыми можно причинить вред здоровью человека. Также был согласован план действий, участники массовых беспорядков выдвинулись к месту предполагаемых «разборок» организовано в одной колонне на автомобилях. Место совершения преступления находилось в жилой застройке г. Екатеринбурга. Преступление было признано неоконченным по причинам, не зависящим от преступников,

поскольку потерпевшие, реализуя право на необходимую оборону применили охотничий карабин, в результате чего, двое из нападавших скончались, одному был причинён тяжкий вред. Остальные из нападавших были приговорены к различным срокам лишения свободы [8]. В связи с этим, необходимо констатировать, что с учётом содержания ст. 212 УК РФ, а также сформированной в настоящий момент судебной практики по данному вопросу, толпа как признак массовости нарушения порядка для целей квалификации действия по указанной статье УК РФ, может иметь как спонтанный неорганизованный характер, так и организованный (с различной степенью организованности).

Подводя итог рассмотрения вопроса о содержании термина «массовые беспорядки», с учётом изложенных и рассмотренных позиций учёных по этому вопросу, определим последние как активное грубое нарушение общественного порядка неограниченной по численности группой лиц, которое характеризуется массовостью, которые обязательно должны сопровождаться совершением каких-либо из перечисленных действий, как по отдельности, так и в совокупности: насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ, отравляющих или других веществ и предметов, которые представляют опасность для окружающих, либо оказанием вооружённого сопротивления представителю власти.

Организация массовых беспорядков, как мы можем наблюдать исходя из санкции за её совершение, признаётся законодателем в качестве наиболее опасной формы данного преступления. Такие действия могут быть выражены в совершении различных действий активного характера, общая направленность которых заключается в организации как подготовки к совершению преступления, так и непосредственно, его совершения (руководство его совершением). К таким действиям, могут быть отнесены объединение людей для участия в массовых беспорядках (как организованного «ядра» между которыми будет осуществляться

распределение ролей, так и призыв к неограниченному числу людей, совершать соответствующие противоправные действия). Руководство массовыми беспорядками может совершаться в виде прямых указаний или призывов к совершению различного рода насилия, сопротивлению представителям власти с использованием оружия или других опасных предметов и прочих действий, совершаемых при массовых беспорядках [54, с. 42-43]. К организации массовых беспорядков также необходимо относить и вовлечение в участие в них других участников, которые до начала таких беспорядков, занимали пассивную позицию. Такие действия будут граничить с преступлением, предусмотренным ч. 1.1 или 3 ст. 212 УК РФ (иное вовлечение лица в совершение преступления, призывы к массовым беспорядкам). Однако, в случае с организацией преступления, такие действия входят в «организаторские» (в совокупности с другими активными действиями по организации и руководству массовыми беспорядками).

Насилие в ходе массовых беспорядков может выражаться как в причинение физического, так и психологического вреда потерпевшим. Отсутствие конкретизации вреда, который должен быть причинён здоровью в ходе массовых беспорядков в диспозиции ст. 212 УК РФ, указывает и на то, что насилие может иметь любой характер и выражаться, как в нанесении ударов не зависимо от того, имели ли такие действия последствия в виде причинения конкретного вреда здоровью, в любом применении физической силы (например, толчки, «заламывание» рук), а также в психологическом насилии, что может быть вызвано угрозами применения насилия, совершения в отношении потерпевшего других противоправных действий и т.п.

Совершение погромов в ходе массовых беспорядков, заключается в насильственных действиях, которые совершаются в отношении имущества (материальных ценностей), которые приводят в его повреждению, порче или уничтожению. Зачастую погромы сопровождаются разграблением. Сходными действиями с погромами выступает поджог и уничтожение имущества. Поджог среди прочего, связан с опасностью для окружающих

людей и другого имущества расположенного в районе совершения поджога. Такие действия носят исключительную общественную опасность, поскольку могут иметь своими последствиями человеческие жертвы, причинение значительного материального ущерба.

Другим деянием, связанным с массовыми беспорядками, является деяние с применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ либо взрывных устройств (ч. 1 ст. 212 УК РФ). Применение таких предметов. Обычно заключается в их использовании по прямому назначению, в ходе чего может быть совершено покушение на причинение вреда жизни и здоровью человека, на повреждение имущества, в целях оказания сопротивления представителям власти [42, с. 101-102].

Также, в ходе массовых беспорядков может совершаться оказание вооружённого сопротивления представителям власти. Такое сопротивление представляет собой совершение активных действий, направленных против представителей власти. При этом, исходя из формулировки данных действий в диспозиции ст. 212 УК РФ, речь идёт именно о «сопротивлении», что обуславливает то, что соответствующие представители власти должны совершать противодействие лицам, принимающим участие в массовых беспорядках. Кроме того, признак вооружённости сопротивления, предполагает под собой оказание противодействия при помощи предметов, которые признаются оружием [13, с. 56-57].

Участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ) предполагает под собой непосредственное пребывание субъекта данного преступления в «массе людей», участвующих в массовых беспорядках и совершение им хотя бы одно из действий, характеризующих массовые беспорядки (совершение насилия, погромов и т.п.).

Склонение, вербовка или другое вовлечение лица в совершение массовых беспорядков предполагает под собой фактически подстрекательство к совершению преступления, однако, в силу своей общественной опасности, такие действия «выделены» в отдельный состав.

Призыв к массовым беспорядкам также является одной из форм подстрекательства к совершению преступления. Специфика призыва заключается в том, что последний носит публичный характер и как правило, адресован к неограниченному числу лиц, может быть совершён как до начала массовых беспорядков, так и в ходе массовых беспорядков.

Прохождение лицом обучения, заведомо в целях организации или участия в массовых беспорядках представляет собой подготовку к совершению организации или участия в массовых беспорядках. Содержание такого обучения заключается в получении знаний и практических навыков относительно того, как именно действовать при их совершении или организации.

В качестве подведения итогов написания данного параграфа, отметим следующее.

В качестве родового объекта массовых беспорядков выступают как общественная безопасность, так и общественный порядок. В свою очередь, видовым и основным непосредственным объектом массовых беспорядков, является общественная безопасность в её «узком» понимании, в состав которой входит и общественный порядок. В качестве дополнительного непосредственного объекта выступает жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность личности, собственность и порядок управления. Также, в данном параграфе мы пришли к выводу и обосновали, что существенное значение для характеристики объективной стороны преступлений, содержащихся в ст. 212 УК РФ играет содержание термина «массовые беспорядки», без понимания и трактовки которого невозможно квалифицировать действия виновного лица.

Отсутствие легального определения массовых беспорядков приводит к неоднозначности правоприменительной практики, поскольку в качестве таковых могут восприниматься и действия, характеризующиеся грубым нарушением общественного порядка совершённые группой лиц с

применением оружия. В данном случае возникает конкуренция между составами хулиганства и массовыми беспорядками.

Для целей квалификации действий лиц по ст. 212 УК РФ, массовые беспорядки необходимо определить как активное грубое нарушение общественного порядка неограниченной по численности группой лиц, которое характеризуется массовостью, которые обязательно должны сопровождаться совершением каких-либо из перечисленных действий, как по отдельности, так и в совокупности: насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ, отравляющих или других веществ и предметов, которые представляют опасность для окружающих, либо оказанием вооружённого сопротивления представителю власти.

2.2 Субъективная сторона массовых беспорядков

Для начала рассмотрим вопросы определения субъекта массовых беспорядков. Первое на что обращает внимание это, то, что за участие в массовых беспорядках возрастной предел с которого наступает уголовная ответственность снижен до 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). За совершение преступлений, предусмотренных ч. ч. 1, 1.1, 3 и 4 ст. 212 УК РФ, уголовной ответственности подлежит только лицо, достигшее 16-летнего возраста. Данное обстоятельство вызывает определённое недоразумение.

В уголовно-правовой науке принято считать, что установление минимального возраста, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности связано с возможностью лица понимать значение своих действий и их последствия. «По умолчанию» порог ответственности за некоторые, как правило, наиболее тяжкие преступления снижен до 14 лет. На данную ситуацию обратил внимание А.М. Багмет, который отметил, что массовые беспорядки, как правило, сопровождаются совершением таких преступных деяний, ответственность за которые наступает с 14 лет (это может быть причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное убийство и т.п.). В связи с этим, законодателем, по мнению А.М. Багмет недостаточно внимательно проработан вопрос нижней планки возраста привлечения к уголовной ответственности [15, с. 79-80].

Рассматривая судебную практику по вопросам привлечения лиц к ответственности за массовые беспорядки мы не находим прямого ответа и обоснования причины установления ответственности за участие в массовых беспорядках с 14 летнего возраста, а за их организацию – с 16 летнего возраста. Вместе с тем, возможно провести параллели с таким преступлением как бандитизм. Так, согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», указывается, что несовершеннолетние лица в возрасте от 14 до 16 лет, которые состоят в банде

не могут быть осуждены за бандитизм, но, вместе с тем, подлежат уголовной ответственности за отдельные совершённые деяния, в которых они принимали участие (т.е. являются субъектом ответственности по конкретному преступлению) [58]. Следовательно, логика законодателя и высшей судебной инстанции такова: несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет не имеет достаточного уровня интеллектуального развития и самостоятельности в принятии осознанных решений, для того, чтобы понимать общественную опасность участия в банде, но достаточно развит интеллектуально, чтобы понимать общественную опасность, например, вооружённого разбойного нападения в группе лиц и умышленного убийства. Если попытаться применить такой подход к ответственности за массовые беспорядки, то возникает логическое противоречие. С одной стороны, несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет принимает участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ), подлежит ответственности, что прямо следует из ч. 2 ст. 20 УК РФ. С другой стороны, несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет, который организовал и руководил массовыми беспорядками (ч. 1 ст. 212 УК РФ)- уголовной ответственности не подлежит, потому что ещё не достиг 16-летнего возраста.

Таким образом, применительно к массовым беспорядкам, по каким-то причинам, законодатель посчитал, что 14-летний организатор массовых беспорядков еще не понимает значение своих действий и то, какие последствия они несут, а вот 14-летний участник, вполне может ответить. Такой подход представляется не вполне верным. Представляется, что организатор любого преступления, обладает достаточными интеллектуальными способностями для того, чтобы понимать, что он организовывает и для каких целей. Ведь в рассматриваемом случае идёт речь о тех ситуациях, когда несовершеннолетний смог организовать и руководить другими людьми (младшего возраста, сверстниками или старшего), а значит, имеет место в определённой степени «лидерство» такого подростка над другими сверстниками, его интеллектуальное превосходство,

что уже говорит о его личности и уровне её развития (в плане осознанности и целенаправленности действий). В попытке определить причины нежелания законодателя понижать порог ответственности за организацию массовых беспорядков вызван применением принципа экономии уголовно-правовой репрессии, поскольку мера ответственности за данное деяние довольно внушительна (безальтернативная санкция в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет). Однако необходимо понимать, что в случае с несовершеннолетним преступником у суда всегда имеется предусмотренная законом возможность выйти за низший предел наказания или применить условное осуждение, однако, исключительно исходя из личности виновного лица. Кроме того, несовершеннолетний возраст в любом случае является обстоятельством, смягчающим наказание. В связи с этим, считаем необходимым внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, включив в неё не только ч. 1, но и ч. 2 ст. 212 УК РФ.

Далее, обратим внимание на то обстоятельство, что фактически в ст. 212 УК РФ предусмотрено несколько субъектов преступлений. Это, в первую очередь исполнитель, который, как правило, является участником массовых беспорядков (ч. 2 ст. 212 УК РФ), лицом, которое проходит подготовку в целях участия в массовых беспорядках или в целях их организации (ч. 4 ст. 212 УК РФ). Организатор преступления, который несёт ответственность по ч. 1 ст. 212 УК РФ. Подстрекатель преступления, который различным образом способствует совершению преступления (вербовка, призывы и т.п. – ч. 1.1, ч. 3 ст. 212 УК РФ).

Одним из наиболее спорных моментов является роль организатора массовых беспорядков. М.М. Тараненко высказал мнение, что практически во всех случаях совершения массовых беспорядков, агрессивные действия толпы организованы или спровоцированы организатором [70, с. 168]. Из этого можно сделать вывод о том, что объективная сторона организации массовых беспорядков, по крайней мере начинает совершаться на стадии подготовки преступления, т.е. ещё до самих массовых беспорядков. Также

организация совершения массовых беспорядков может включать в себя действия по подстрекательству и по призывам по совершению массовых беспорядков. М.С. Мачехин также полагает, что действия организатора массовых беспорядков могут заключать в себе как несколько способов организации преступления, так и только один из них. В качестве примера учёный указывает на руководство преступлением, которое не всегда предусматривает под собой подготовку к совершению преступления. Лицо, которое руководит совершением преступления, признаётся уголовно-правовой наукой организатором преступления. По крайней мере, в научной литературе, как указывает М.С. Мачехин, отсутствуют исследования, предметно посвящённые разграничению роли организатора и руководителя преступлением [48, с. 190].

Также необходимо отметить, что роль организатора преступления несёт в себе намного большую общественную опасность, поскольку организаторы и провокаторы преступления оказывают непосредственное психологическое воздействие на других участников преступной деятельности, подчиняя их себе различными способами [48, с. 192]. В целях подтверждения сказанного, рассмотрим один пример. В 2016 году Свердловский областной суд вынес приговоры организатору и участникам массовых беспорядков в Екатеринбурге в сентябре 2016 года. Тогда в результате стрельбы на ул. Депутатской в больницах города оказались девять человек в возрасте от 17 до 34 лет, двое из которых впоследствии умерли. По ст. 212 УК РФ были осуждены 19 человек. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах:

Между соседями произошёл конфликт бытового характера, в ходе которого один из них словесно оскорбил другого. «Оскорблённый» сосед, используя личные связи и знакомства, подыскал не менее 20 человек, среди которых были лица, владеющие боевыми единоборствами. Кроме того, лично организатор и подысканные и некоторые из подысканных им участников в целях совершения преступления взяли с собой биты, кастеты и

травматическое оружие. После чего вся группа прибыла к месту жительства соседа, который, вместе с двумя своими знакомыми в целях самообороны применил со своей стороны огнестрельное оружие. Два участника конфликта со стороны нападавших получили огнестрельные ранения, один из них, в последующем, от полученных ран скончался [48, с. 193].

В рассматриваемом случае, роль организатора в совершении преступления состояла в организации подготовительных действий к совершению преступления (подыскание участников беспорядков, в координации действий по подысканию орудий совершения преступлений, в распределении роли и постановке общей цели, которая сформировала направленность умысла всей группы), а также в руководстве их действиями (указание маршрута следования, общее руководство и лидерство в группе). Таким образом, в данном случае имело место оба аспекта организаторской деятельности: собственно организация совершения преступления и руководство действиями других лиц совершающих преступление.

Далее рассмотрим особенности субъективной стороны массовых беспорядков. Субъективная сторона любого из преступлений состоит из вины как обязательного элемента. В свою очередь, вина лица, в совершении преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ может иметь только умышленный характер. Дискуссионным является вопрос о том, какая именно форма умысла (прямой или косвенный) является характерной для лиц совершающих массовые беспорядки. Существуют две позиции. Первая из них заключается в том, что умысел при совершении массовых беспорядков может быть только прямым [52, с. 24; 69, с. 28-29; 38, с. 547; 39, с. 750]. Учёные придерживающиеся второй позиции, допускают кроме прямого, наличие ещё и косвенного умысла [23, с. 58; 9, с. 170; 32, с. 85; 4, с. 118]. Позиция сторонников допустимости косвенного умысла для участников и организаторов массовых беспорядков, обращают внимание на то обстоятельство, что, например, организатор на начальном этапе совершения преступления и даже в процессе руководства массовыми беспорядками

может и не предвидеть всех последствий его совершения, всех действий которые будет совершать толпа. Тоже самое относится и к «рядовым» участникам массовых беспорядков. В связи с этим, наступившие последствия могут быть охвачены и косвенным умыслом, прежде всего, организатора преступления [9, с. 170]. Другую точку зрения высказывает В.С. Векленко и А.И. Якунин которые считают, что организатор преступления не может действовать с косвенным умыслом. В обоснование своего мнения учёные отмечают, что рассматриваемый состав преступления носит формальный характер, т.е. для его окончания не является обязательным наступление общественно-опасных последствий. А применительно к совершению массовых беспорядков у организатора всегда имеется прямой умысел. При этом учёные допускают, что организатор допускает и предвидит о том, что в ходе массовых беспорядков, могут быть совершены посягательства на жизнь и здоровье других граждан, уничтожения имущества и погромы [19, с. 6-7]. Вместе с тем, представляется, что проблема в данном случае имеет несколько другой характер. Согласно ч. 1 ст. 212 УК РФ, уголовно-наказуемым деянием являются те массовые беспорядки, которые сопряжены с рядом действий, таких как применение насилия, поджог, погромы, применение оружия, оказание вооружённого сопротивления представителям власти и т.п. Для квалификации действий по ст. 212 УК РФ достаточно, чтобы массовые беспорядки сопровождались хотя бы одним из перечисленных действий. В свою очередь, умысел организатора мог допускать, что организуемые им массовые беспорядки могут сопровождаться, например, погромами и поджогом, но не в коем случае не совершением насилия или вооружённого сопротивления представителям власти. Смоделируем следующую ситуацию: например, на почве бытового конфликта возникают массовые беспорядки в общественном месте (массовая драка), на одной из сторон, существует организатор, который подыскал и привлёк к противоправным действиям своих знакомых. Однако, умысел (замысел) организатора не был направлен на оказание вооружённого сопротивления представителям власти (например,

сотрудникам правоохранительных органов, прибывших к месту правонарушения). Однако, такой организатор вполне мог предполагать, что при прибытии к месту массовой драки сотрудников правоохранительных органов, в отношении последних может быть оказано сопротивление, может быть даже, вооружённое. Данный вариант развития событий не входил в планы организатора, но допускался им. Имеет место наличие именно косвенного умысла в части оказания вооружённого сопротивления. Вместе с тем, по своим фактическим обстоятельствам, происходящие события обрели признаки массовых беспорядков, хотя изначально такие события не были охвачены умыслом организатора. Ещё больше смоделированная ситуация усложнится, если организатор потеряет «контроль» над толпой, то есть противоправные действия, которые он организовал, переросли в массовые беспорядки, и от его действий уже не зависит поведение участников беспорядков. В таком случае, у организатора массовых беспорядков будет иметь место именно косвенный умысел в отношении действий, совершаемых другими участниками массовых беспорядков. При этом, организатор преступления, в таком случае, будет подлежать уголовной ответственности по ч. 1 ст. 212 УК РФ за организацию массовых беспорядков.

Таким образом, в качестве подведения итогов написания данного параграфа, сделаем вывод о том, что субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 и 3 ст. 212 УК РФ может заключаться как в форме прямого, так и в форме косвенного умысла. Это связано с тем, что массовые беспорядки (в части роли организатора, подстрекателя, так и исполнителя совершения преступления) характеризуются высокой степенью неопределённости последствий совершения преступления и действий других участников. В пользу данного утверждения говорит и то, что содержание умысла на квалификацию деяний по ч.ч. 1 и 3 ст. 212 УК РФ не имеет законодательно установленного значения.

Наличие таких признаков субъективной стороны, как мотив и цель организации или участия в массовых беспорядках, не является

обязательными, поскольку об этом не указано в самой норме. Вместе с тем, цель массовых беспорядков и мотивы, которыми руководствуются его участники, имеет значение для индивидуализации меры, применяемой к ним наказания, а значит, играют важную и значимую роль. Законодателем допущено упущение в части установления низшего порога возраста привлечения к уголовной ответственности, поскольку, по каким-то причинам. Организатор массовых беспорядков отвечает за их совершение только с 16 летнего возраста, а «рядовой» участник – с 14 летнего возраста.

Обоснована точка зрения, согласно которой, если лицо в возрасте 14-16 лет смогло стать лидером массового скопления людей, организовав их и руководя ими в целях совершения массовых беспорядков, то, уровень такого лица интеллектуального и волевого развития, достаточно высок, чтобы понимать общественную опасность совершаемых им действий и осознавать характер наступающих последствий.

В связи с этим, низший предел уголовной ответственности за организацию массовых беспорядков по ч. 1 ст. 212 УК РФ необходимо понизить до 14 лет, внося соответствующие изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Глава 3 Проблемы квалификации массовых беспорядков

3.1 Проблемы соотношения массовых беспорядков и хулиганства

Необходимо отметить, что вопросы разграничения деяний подпадающих одновременно под признаки хулиганства и массовых беспорядков, является довольно дискуссионным и сложным.

К.Г. Вдовиченко отмечает, что «практике известны ситуации, когда содеянное лицом одновременно подпадает под признаки и массовых беспорядков и хулиганства. Однако совокупность преступлений здесь будет отсутствовать. Имеются основания утверждать, что уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 212 и 213 УК РФ, находятся в отношении конкуренции» [17, с. 153-156]. Соглашается с данной позицией и С.В. Векленко, который обращает внимание на схожесть, в отдельных случаях, объективных и субъективных признаков таких деяний [19, с. 8-9]. Ещё большую проблемность данному вопросу придаёт то обстоятельство, что Пленум ВС РФ в своём постановлении от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [57], не уделил внимания разграничению данных составов преступлений вообще.

Субъект преступлений, предусмотренных ст. 212 УК РФ и ст. 213 УК РФ общий, специальные требования к субъекту отсутствуют в обеих нормах. Однако, за отягчающие составы хулиганства (ч.ч. 2 и 3 ст. 213 УК РФ) ответственность наступает с 14-летнего возраста. Как уже указывалось, ответственность за участие в массовых беспорядках также наступает с 14 лет (ч. 3 ст. 212 УК РФ), а во всех остальных случаях – с 16 лет. Таким образом, сделаем вывод о том, что разграничение указанных составов преступлений по признаку их субъекта невозможно в силу отсутствия специальных требований к ним в диспозициях ст. 212 и 213 УК РФ.

Далее сравним объекты рассматриваемых преступлений, для чего, кратко охарактеризуем объект преступного посягательства при хулиганстве. Родовым объектом данного преступления выступает общественная безопасность и общественный порядок (если взять за основу название раздела в котором расположена данная норма). Как мы можем видеть, родовой объект массовых беспорядков аналогичен. Непосредственный объект хулиганства – общественный порядок для ч. 1 ст. 213 УК РФ, а также общественная безопасность – для деяний, предусмотренных ч.ч. 2 и 3 ст. 213 УК РФ. Непосредственный дополнительный объект – установленный порядок государственного управления и реализации властных полномочий (в случае совершения хулиганства, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, сопряжённого с сопротивлением представителю власти) и незаконный оборот взрывчатых веществ (в случае совершения хулиганства, сопряжённого с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств).

В свою очередь общественный порядок для целей применения ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки» также относится к непосредственному объекту данного преступления (входит в более широкое понятие «массовые беспорядки»), что вызывает трудности при разграничении массовых беспорядков и хулиганства предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 213 УК РФ по признаку объекта преступления. Однако разграничение по такому признаку вполне возможно если тщательно проанализировать и установить объект посягательства в конкретном случае. Так, в случае совершения хулиганства группой лиц без предварительного сговора, когда их действия будут квалифицированы по ч. 1 ст. 213 УК РФ как «простое» неквалифицированное хулиганство, объектом преступления будет выступать именно общественный порядок. В случае с массовыми беспорядками общественный порядок также будет нарушен, однако, в таком случае будет иметь место посягательство на более обширный объект – общественную безопасность, в рамках которой будет нарушен и общественный порядок. Как уже было установлено в предыдущих разделах работы, состояние общественная безопасность как

объекта уголовно-правовой охраны состоит в общем (коллективном) и индивидуальном чувстве безопасности человека, процессов, которые обеспечивают жизненно важные потребности общества и т.п. Если нарушение общественного порядка, совершаемое многочисленной группой лиц, посягает на обозначенные процессы, то необходимо констатировать, что имеет место посягательство именно на такой объект, как общественная безопасность.

Для более обстоятельного выяснения сущности и содержания объектов преступного посягательства при массовых беспорядках и при хулиганстве, а также степени вреда, который им причиняется, необходимо охарактеризовать степень общественной опасности данных преступлений. Так, К.А. Перфилов отмечает, что, как правило, массовые беспорядки совершаются большой группой людей, объектом посягательства которых выступает общественная безопасность, действия преступников сопряжены с насилием, поджогами, погромами, применением взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих и других веществ и предметов, применение которых представляет опасность для окружающих, либо сопряжены с оказанием вооружённого сопротивления представителям власти [55, с. 29]. Н.Н. Маршакова высказывает мнение о том, что общественная опасность массовых беспорядков заключается в том, что такое преступление совершается большой группой людей, т.е. имеет массовый характер и может, в конечном итоге, привести к большому количеству жертв, к парализации работы государственных органов и учреждений, нарушению работы транспорта, причинению значительного экономического ущерба, причинение морального вреда отдельным гражданам и большим группам людей в следствии утраты чувства безопасности и нарушения их спокойствия [47, с. 78-79]. М.А. Агаджанян и А.К. Манна также обращают внимание на то обстоятельство, что хулиганства характеризуется меньшей степенью опасности. Большая степень опасности массовых беспорядков, по мнению указанных учёных, заключается в том, что массовые беспорядки характеризуются значительным количеством

участников и имеют несравнимо большие «масштабы», последствия массовых беспорядков носят как правило в значительной степени больший дезорганизующий характер, нежели хулиганство и являются более длительными [2, с. 6].

Таким образом, среди учёных сравнивающих оба состава преступления, преобладает позиция, согласно которой разграничить массовые беспорядки и хулиганство возможно по критерию большей общественной опасности, массовости, длительности и наличию более «тяжких» и значительных последствий от совершения преступных действий. Такими последствиями, среди прочего, могут быть большое количество пострадавших, длительность совершаемых действий, масштабность территории на которые они распространены и прочие.

Следующим элементом составов рассматриваемых преступлений, по которым будет произведён сравнительный анализ, выступает субъективная сторона. Как уже указывалось, субъективная сторона массовых беспорядков характеризуется умышленной формой вины, при этом, цель и мотивы совершения массовых беспорядков не имеют значение для квалификации рассматриваемых действий. Конкретный вид умысла (прямой или косвенный) применительно к массовым беспорядкам зависит от состава преступления, нами было обосновано возможность наличия косвенного умысла у организатора преступления применительно к отдельным последствиям организуемого им преступления.

Что касается хулиганства, отметим, что вопрос о допустимости при совершении хулиганства наличия косвенного умысла является дискуссионным даже несмотря на то, что в п. 13 Постановления ВС РФ от 15.11.2007г. № 45, указывается, что такое преступление может быть совершено только с прямым умыслом [57]. В свою очередь, точное установление умысла, который может иметь место при хулиганстве, позволит ответить на вопрос о возможности разграничения по данному признаку массовых беспорядков и хулиганства.

Итак, многие учёные, исследующие данный вопрос, полагают о допустимости косвенного умысла при совершении лицом хулиганства. Так, например, Н.Ф. Кузнецова обосновывает допустимость косвенного умысла сложностью состава хулиганства, «которое сочетает в себе, несколько видов негативных последствий, что и обуславливает сочетание нескольких форм и видов умысла» [26, с. 347]. Обратим внимание, что аналогичный подход может быть применен и к массовым беспорядкам, умысел у участников которых также может не охватывать всех негативных последствий совершения такого преступления. Таким образом, сторонники допустимости косвенного умысла указывают на то, что, как правило, хулиганские действия и массовые беспорядки часто являются спонтанными и неподготовленными (в первую очередь, для их участников), а наступающие последствия не охватываются изначальным умыслом лица.

Сторонники исключительно прямого умысла при хулиганстве обращают внимание на то, что уголовно-правовое значение для квалификации имеет направленность умысла на явное нарушение общественного порядка, а значит, виновное лицо не может сослаться на то, что не понимало значение и характер своих действий [26, с. 348].

Несколько по иному выглядит ситуация с массовыми беспорядками. Как уже указывалось в предыдущих разделах, особенностью диспозиции данной нормы является то, что массовые беспорядки должны сопровождаться хотя бы одним из признаков: применение насилия, повреждение имущества, погромы и прочее. В ситуации, когда участник массовых беспорядков начинает в общественном месте, например, осуществлять погромы и повреждение имущества, он может и не предполагать, что другой участник применит к кому-либо насильственные действия. Хотя, безусловно, участник массовых беспорядков понимает, что совершение таких действий и наступление соответствующих последствий, вполне возможно. Умысел в отношении таких последствий, которые не охватывались напрямую умыслом лица, безусловно, является косвенным.

Вопрос субъективной стороны хулиганства дискуссионный и не относится к задачам данного исследования. В целях проведения разграничения хулиганства и массовых беспорядков, в рамках данного исследования, будем считать, что оба данных преступления должны быть совершены с умышленной формой вины (при возможно наличии как косвенного, так и прямого умысла).

Однако для квалификации хулиганства принципиально важное значение имеет мотив совершения преступных действий. Во-первых, это так называемый «хулиганский» мотив: явное неуважение к обществу. Во-вторых, в случае с п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, обязательным является наличие мотива связанного с ненавистью и враждой (расовой, религиозной, национальной, идеологической, по признаку принадлежности к определённой социальной группе).

В свою очередь, мотивы и цели совершения массовых беспорядков, а также действий организатора, участника, подстрекателя не имеют значение для квалификации деяний по ст. 212 УК РФ.

Так, М.А. Агаджанян и А.К. Манна полагают, что цели и мотивы массовых беспорядков могут носить различный характер и не должны влиять на квалификацию данного преступления. В качестве возможных мотивов учёные указывают на недовольство социально-экономическими условиями проживания; деятельностью государственных органов и отдельных чиновников, наличие побуждений хулиганского характера и прочие [2, с. 5]. Соответственно, разграничение действий, которые подпадают и под признаки массовых беспорядков, и под признаки хулиганства возможно, если установить в действиях виновных лиц хулиганский мотив, который заключается в явном неуважении к обществу. При наличии такого мотива, действия, подпадающие под признаки массовых беспорядков, должны быть квалифицированы по соответствующей части ст. 213 УК РФ как по специальной норме. В связи с этим, для решения поставленной в рамках данного параграфа задачи анализа проблем разграничения массовых

беспорядков и хулиганства, крайне важным является установления содержания мотива явного неуважения к обществу. Так, согласно п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2007г. №45 к деяниям, совершённым из хулиганских побуждений, необходимо относить исключительно умышленные действия которые направлены «против личности человека или его имущества, совершенные при отсутствии какого-либо повода или с использованием незначительного (малозначительного) повода» [57]. Таким образом, хулиганский мотив заключается в незначительности или в отсутствии повода для совершения противоправных действий как таковых. В.Г. Павлов характеризует хулиганский мотив и побуждения как категория социально-психологического характера, которая основана на негативных и противоправных интересах личности, характеризуется многоликостью, и может быть сведён не к одному побуждению, а к различным [53, с. 192]. Например, учащийся колледжа находясь в помещении столовой учебного заведения, при значительном скоплении других участников используя незначительный повод, начал выражаться нецензурной бранью в адрес одного из учителей, угрожать последнему физической расправой, демонстрировать нож, пинать столы и стулья. Как указано в решении суда, такими действиями виновный противопоставил себя окружающим, т.е. остальному обществу, выразил пренебрежительное отношение к ним. В ходе допроса, виновный пояснил, что он понимал, что совершает данные действия в общественном месте, что его боятся и опасаются, что данные действия совершаются во время учебных занятий [12].

В качестве конкретных действий, которые могут свидетельствовать о грубом нарушении общественного порядка и явном неуважении к обществу, в научной литературе, выделяются следующие: действия, которые сопровождаются «нецензурной бранью; действия, направленные на срыв деятельности социально важных объектов; действия, причиняющие вред здоровью или имуществу или составляющие угрозу его причинения; действия, вызывающие опасения у граждан за осуществление своих прав;

срыв общественного мероприятия; появление в публичных местах в обнажённом виде; публичная демонстрация неприличных изображений и т. д.» [60, с. 115-116]. При этом, в основе таких действий будут лежать причины (побуждения) незначительного характера. В своей совокупности наличие этих двух признаков, а именно незначительности или отсутствия повода для совершения противоправных действий как таковых, и наличие грубого нарушения общественного порядка и будут образовывать в своей совокупности, хулиганский мотив, который позволит разграничить данное преступление с массовыми беспорядками.

Следовательно, мотив явного неуважения к обществу, установление наличия или отсутствия которого в действиях виновного лица может способствовать разграничению рассматриваемых составов преступлений, заключается в наличии незначительного повода для совершения противоправных действий или в отсутствии такого повода вообще.

Таким образом, в целях проведения сравнительного анализа и разграничения составов массовых беспорядков и хулиганства, нами были проведены анализ субъекта, объекта данного преступления и субъективной стороны, в т.ч. установлено содержание хулиганского мотива как важного элемента субъективной стороны хулиганства, в силу которого возможно разграничение действий, подпадающих под признаки обоих составов преступлений.

В качестве следующего критерия для сравнительного анализа и разграничения, обратимся к такому признаку объективной стороны, который будет условно обозначен, как «количественный» критерий. Имеется в виду сравнение признака «массовости» как характеристики массовых беспорядков и признаков группы лиц по предварительному сговору и организованной группы, как признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Итак, массовые беспорядки характеризуются «массовостью», что является одним из ключевых признаков объективной стороны данного

преступления. Как уже было установлено, «массовость» подразумевает под собой наличие толпы и неограниченного количества участников. В отличие от массовых беспорядков, хулиганство может быть совершено и одним человеком, а также группой лиц или организованной группой. При этом, количественный состав такой группы или организованной группы также неограничен.

Таким образом, при совпадении других элементов составов преступлений, массовые беспорядки могут быть разграничены с хулиганством в силу отсутствия в действиях виновных лиц признака массовости. В любом случае, не могут быть квалифицированы как массовые беспорядки действия одного или нескольких человек. При этом, необходимо учитывать, что массовость как признак объективной стороны преступления предусмотренного ст. 212 УК РФ, характеризует только массовые беспорядки. При этом, сам по себе преступления, предусмотренные различными частями данной статьи, а именно: организация массовых беспорядков, призывы к массовым беспорядкам, участие в них или подготовка к участию в них, может быть совершена и одним лицом. Иными словами, ответственность в данном случае максимально индивидуализирована, не смотря на то, что само общественно-опасное деяние носит массовый характер.

В тоже время, необходимо согласиться с С.В. Векленко и другими учёными, которые обращают внимание на то, что хулиганство, предусмотренное ч. 2 ст. 213 УК РФ, также может быть совершено неограниченной по количественному составу группой лиц [19, с. 12]. От себя добавим, что в таком случае, может иметь место и организатор хулиганства, совершаемого группой лиц по предварительному сговору да ещё и с применением оружия. В связи с этим, признак «массовости» как критерий разграничения рассматриваемых составов преступлений, имеет «ограниченное» применение: пригоден только для случаев, когда сходные

действия совершаются небольшим количеством участников и со всей однозначностью не могут быть оценены как действия толпы.

Что касается объективной стороны массовых беспорядков, то последняя имеет такую специфику, которая позволяет разграничивать хулиганства и массовые беспорядки. Так, А.К. Дубровин отмечает, что в отличие от массовых беспорядков, при совершении хулиганства, отсутствует такой признак объективной стороны, как оказание вооружённого сопротивления представителю власти «но наряду с ним есть иное лицо, исполняющее обязанности по охране общественного порядка или пресекающее нарушение общественного порядка» [24, с. 36]. Данное утверждение учёного представляется не вполне верным, поскольку ч. 2 ст. 213 УК РФ предусматривает ответственность за хулиганство, связанное «с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка». Исходя из буквального понимания процитированного положений ч. 2 ст. 213 УК РФ, подразумевается любое «сопротивление», как вооружённое, так и невооружённое. В связи с этим, сопротивление, которое может оказываться представителю власти при хулиганстве значительно шире по своему содержанию, чем «вооружённое сопротивление» представителю власти в процессе массовых беспорядков. Кроме того, обращает на себя внимание, что состав хулиганства, предусмотренный ч. 2 ст. 212 УК РФ содержит в себе также признаки, как сопротивление другому лицу, которое исполняет обязанности по охране общественного порядка или любому-другому человеку, который решил воспользоваться своим правом на пресечение нарушения виновным лицом общественного порядка. Как известно, в составе массовых беспорядков сопротивление указанным лицам в качестве отдельных признаков не выделено. Однако, это совсем не означает, что такие действия не будут охватываться составом массовых беспорядков. Если в ходе массовых беспорядков будет оказано сопротивление лицам, которые противодействуют

лицам, участвующим в массовых беспорядках, однако не являющимся представителями власти, то такие действия должны быть квалифицированы как применение насилия, что подпадает под действие ч. 1 ст. 212 УК РФ. То же самое относится и к невооружённому сопротивлению представителям власти: если такое сопротивление имело физический характер и выражалось в применении насилия к нему, то эти действия также должны квалифицироваться как применение насилия. В связи с этим, можно сделать вывод о том, что преступления предусмотренные ст. 212 и 213 УК РФ не могут быть разграничены по признаку «сопротивления» (вооружённого или невооружённого, а также по объекту оказания сопротивления), поскольку аналогичные действия, совершённые в ходе массовых беспорядков и хулиганства, которые выражаются в оказании вооружённого или невооружённого сопротивления представителю власти или другим лицам, охватываются обеими составами. Разница состоит лишь в том, что в случае с хулиганством, сопротивление представителю власти и другим лицам, которые стремятся прекратить противоправные действия виновного, имеет своим следствием более строгую уголовную ответственность. В случае с массовыми беспорядками, признак вооружённого или невооружённого сопротивления (насилия) не приводит к отягчению уголовной ответственности, поскольку такие действия относятся к содержанию массовых беспорядков.

Далее отметим, что обязательными признаками объективной стороны массовых беспорядков выступает применение насилия, погромов, поджогов и прочих подобных действий перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ. В свою очередь, как отмечает Р.А. Романова [61, с. 72-73], применение насилия, погромов, поджогов, повреждения имущества хоть и является характерным для хулиганства, однако не выступает в качестве обязательных признаков, поскольку не указывается в диспозиции ст. 213 УК РФ. По сути, совершения данных действий определяется характерным для хулиганства в силу сложившейся на протяжении многих десятилетий следственной и

судебной практики. В связи с этим, К.Г. Вдовиченко приходит к выводу о том, что имеет место конкуренция составов, в которой, в случае, когда действия подпадают под признаки обеих составов, предпочтение должно быть отдано квалификации по ст. 212 УК РФ как к специальной норме. По мнению учёного, в таком случае признаки объективной стороны массовых беспорядков более полно охватывают содеянное: применение насилия, погромов, поджогов. Повреждений имущества, оказание вооружённого сопротивления представителям власти и т.п. При совершении массовых беспорядков, нарушение общественного порядка осуществляется совместными действиями, которые совершаются значительным количеством людей (такое количество людей, действуя совместно должно создавать толпу) [16, с .154-156].

В качестве подведения итогов написания данного параграфа, необходимо констатировать, что универсальных критериев, которые позволили бы разграничить массовые беспорядки и групповые хулиганства, отсутствуют. Разграничение таких действий возможно только вследствие тщательного и последовательного анализа всех объективных и субъективных признаков совершённого деяния.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на мотивы совершённого деяния. Если у лица отсутствуют хулиганские и экстремистские мотивы, то такие действия необходимо квалифицировать как участие в массовых беспорядках (при условии, если данной квалификации соответствуют другие признаки совершённого деяния).

В случае, если субъективная сторона совершённых действий характеризуется хулиганскими мотивами и побуждениями или мотивами экстремистского характера, то необходимо установить наличие или отсутствие признака массовости совершённых действий и, как следствие, особенности объекта преступного посягательства. Важно обратить внимание не только на простую количественную характеристику группы людей, но и на то какую опасность несли в себе действия данной группы. Действия толпы

характеризуются затруднением в контроле за действиями каждого участника, стихийность действий значительной части толпы, наличие у последних единства в вопросе организации сопротивления представителям власти, наличие тенденции в расширении количества участников и масштабов противоправных действий толпы, наличие реальной угрозы общественной безопасности. Угроза общественной безопасности может свидетельствовать в нарушении нормального функционирования общественно значимых заведений и организаций. Кроме того, для разграничения смежных действий значение имеют детали их совершения. Например, если при совершении действий нарушающих общественный порядок группой лиц, даже с применением оружия, не было совершено насилие, погромы и поджоги и прочие действия, сопряжённые с массовыми беспорядками, то такие действия, подлежат квалифицировать как хулиганство.

3.2 Проблемы соотношения массовых беспорядков и вооруженного мятежа

Уголовная ответственность за вооружённый мятеж предусмотрена ст. 279 УК РФ. Данная статья состоит из одной части и её диспозиция относит к уголовно-наказуемому деянию, организацию вооружённого мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя России либо нарушения её территориальной целостности.

Чтобы выявить проблемы соотношения преступлений предусмотренных ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки» и ст. 279 УК РФ «Вооружённый мятеж» необходимо провести сравнительный анализ субъективных и объективных признаков данных преступлений.

В первую очередь, обратим внимание на их объективные признаки.

Сравнивая объекты посягательств массовых беспорядков и вооружённого мятежа, необходимо указать следующее.

Как отмечает А.В. Манойло, общественная опасность вооружённого мятежа носит исключительный характер, поскольку, в случае успешности такого мятежа, его последствия этого могут привести к бесчисленным человеческим жертвам, возникновению вооружённых конфликтов в различных частях государства, наступление периода политической нестабильности, массовых народных волнений и беспорядков, возникновения кризисных явлений в экономике, в международных отношениях с участием государства, в т.ч. в так называемых «горячих точках» стабильность ситуаций в которых обеспечивает Российская Федерация [45, с. 10-12]. С данным утверждением необходимо полностью согласиться, поскольку основы конституционного строя выступают правовым «ядром» существования не только правовой системы государства, но и государства как такового в целом, а также всего общества. Насильственное изменение или свержение конституционного строя государства, либо нарушение его территориальной целостности вопреки установленному порядку, будут иметь в качестве своих последствий дестабилизацию не только внутри государства, но и на международной арене. В свою очередь, массовые беспорядки также обладают высокой степенью общественной опасности и в числе своих последствий, среди прочих, могут привести к дестабилизации социально-экономической и политической обстановки как на определённой территории, так и в пределах всего государства. При наличии значительных масштабов и продолжительности, тенденции к разрастанию, массовые беспорядки также могут создать условия для посягательств как на территориальную целостность государства, так и к возникновению вооружённых конфликтов. Однако, необходимо учитывать, что в качестве объекта массовых беспорядков выступает исключительно общественная безопасность, к которой не относится конституционный строй и территориальная целостность государства.

Таким образом, первый отличительный признак рассматриваемых составов преступлений заключается в содержании объекта посягательства. Если в результате действий сопряжённых с применением оружия и, при этом, внешне сходных с массовыми беспорядками, осуществляется посягательство на основы конституционного строя и территориальную целостность государства, то такие действия, должны быть квалифицированы по ст. 279 УК РФ. Если же, объектом посягательства выступает исключительно общественная безопасность, например, в части нарушения общественного порядка и спокойствия, нарушения работы транспорта, применения насилия в отношении граждан и представителей власти и т.п., то таким образом причиняется вред объекту посягательства характерному для ст. 212 УК РФ.

Сравнивая объективную сторону массовых беспорядков и вооружённого мятежа, Е.П. Сергун обращает внимание на то, что объективная сторона вооружённого мятежа фактически ничем не отличается от объективной стороны массовых беспорядков. Так, учёный отмечает, что «в обеих диспозициях фигурируют такие общие, но по-разному сформулированные квалификационные признаки, как «организованность», «вооруженность», «насильственность». Законодатель называет и другие характерные черты массовых беспорядков, присущие вооруженному мятежу (в частности, оказание сопротивления представителям власти). Условный знак равенства также можно поставить между активным участием в вооруженном мятеже и участием в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ)» [65, с. 221]. С данным утверждением в целом можно согласиться. При этом, необходимо учитывать, что массовые беспорядки не обязательно сопровождаются применением оружия, других предметов и веществ опасных для окружающих, взрывных устройств и т.п. Но, в случае применения оружия (наличия признака вооружённости в действиях «толпы», массы людей) в ходе массовых беспорядков, такие действия по объективной стороне будут внешне сходными с действиями при вооружённом мятеже. Это и порождает основную проблему разграничения ст. 212 УК РФ и ст. 279 УК

РФ – сходство их объективной стороны. Е.П. Сергун аргументирует сходство признаков объективной стороны рассматриваемых преступлений также тем, что преступная роль организатора любого преступления также может заключаться в склонении других лиц к участию в его совершении, что, по мнению учёного, означает, что к действиям организатора вооружённого мятежа могут быть отнесены и призывы к такому мятежу. В свою очередь, это указывает на сходство действий организатора преступления предусмотренного ст. 279 УК РФ с лицом, совершающим преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 212 УК РФ - призывы к совершению массовых беспорядков [65, с. 222]. Сходство объективной стороны рассматриваемых преступлений порождает мнение о возможности квалификации массовых беспорядков при наличии цели свержения основ конституционного строя, как реальной совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 212 и 279 УК РФ. В частности, таких взглядов придерживается С.В. Дьяков, утверждающий, что если в вооруженный мятеж «перерастают» массовые беспорядки, то имеет место реальная совокупность преступлений [25, с. 99]. Противником такой позиции является Е.П. Сергун, который отмечает следующее: «такой подход выглядит полемичным с позиций принципов справедливости, экономии уголовной репрессии, а также применительно к эффективному достижению целей уголовного наказания (которое при надуманной множественности преступлений становится исключительно строгим)» [65, с. 215].

Проанализировав обе позиции, приходим к выводу о том, что позиция С.В. Дьякова более обоснована. Так, если изначально массовые беспорядки с применением оружия и других предметов, используемых в качестве такого, не имели своей цели свержение конституционного строя и прочие характерные для ст. 279 УК РФ цели, то действия организатора, участников и других причастных к ним лиц, подлежат квалификации по ст. 212 УК РФ. В т.ч. и по причине отсутствия соответствующей направленности умысла и специальной цели. Однако, если в ходе массовых беспорядков будут созданы

условия, связанные с дезорганизацией органов государственной власти, деятельность которых связана с обеспечением основ конституционного строя государства, в т.ч. его территориальной целостности, то у организаторов массовых беспорядков или даже «новых лидеров» (которые стали таковыми в процессе массовых беспорядков, поскольку действия толпы уже могут и не подчиняться изначальному руководству) может возникнуть умысел на свержение конституционного строя. В качестве другого варианта, можно рассмотреть ситуацию, когда организатор и «ядро» соучастников преследуют целью свержение конституционного строя, однако, в целях создания необходимых условий, изначально организуют совершение массовых беспорядков (как вооружённых, так и невооружённых). В таком случае, умысел участников массовых беспорядков, не будет охватывать совершение вооружённого мятежа, однако он будет охватываться умыслом организаторов. Таким образом, ситуации, в которых действия виновных лиц могут быть квалифицированы по совокупности деяний, вполне возможны. Е.П. Сергун, выступая против квалификации подобных действий по совокупности, обосновывает свою позицию тем, что в науке уголовного права совокупность преступлений рассматривается как критерий повышенной общественной опасности содеянного. Но, вооруженный мятеж не станет более вредоносным для общества (его пагубность и так предельно высока), если он начнется в форме массовых беспорядков.

Затем общественная опасность массовых беспорядков поглотится материальным признаком вооруженного мятежа, как более тяжкого преступления (причем, если государство окажется не в состоянии подавить массовые беспорядки, то с большой вероятностью именно так и произойдет) [65, с. 216].

При этом, необходимость уголовно-правовой квалификации со ссылкой на ст. 69 УК РФ возникает в подобных случаях не в ходе наблюдения за обсуждаемым социальным феноменом, а в процессе реализации несогласованных, повторяющихся по смыслу норм уголовного

законодательства. Никакой действительной множественности преступлений здесь, на наш взгляд, не наблюдается [65, с .216].

Далее рассмотрим возможность разграничения данных деяний по субъективным признакам.

Так субъектом вооружённого мятежа может выступать исключительно лицо, достигшее 16-летнего возраста (как организатор, так и участник вооружённого мятежа). По своей характеристике, субъект данного преступления является общим, какие-либо специальные требования не предусмотрены. Применительно к массовым беспорядкам также имеет место общий субъект преступления. При этом участие в массовых беспорядках наказывается с 14-летнего возраста. Таким образом, необходимо констатировать, что участие в вооружённом мятеже является уголовно-наказуемым с 16-летнего возраста, а участие в массовых беспорядках - с 14-летнего.

Преступления, предусмотренные ст. 212 и 279 УК РФ являются умышленными преступлениями. Как уже неоднократно указывалось в предыдущих разделах, вопрос допустимости при совершении различных форм массовых беспорядков косвенного умысла является дискуссионным. В ходе проведённого исследования, мы пришли к выводу о том, что, например, умысел организатора массовых беспорядков в части их организации может быть только прямым.

Однако, в отношении различных последствий действий толпы (массы людей), умысел может быть и косвенным. Тоже самое относится и к лицам, совершающим призывы к массовым беспорядкам. Умысел участника массовых беспорядков может быть только прямой.

Применительно к ст. 279 УК РФ учёные единогласны в своей позиции: допустимым является исключительно прямой умысел. С данным утверждением необходимо согласиться, прежде всего, по причине наличия обязательной цели вооружённого мятежа:

- свержения конституционного строя;

- насильственного изменения конституционного строя;
- нарушения территориальной о целостности Российской Федерации [62, с. 506].

Данные цели являются альтернативными. Это означает, что действия «вооружённых мятежников» должны преследовать хотя бы одну из перечисленных целей. В свою очередь, если действия лиц, совершающих вооружённый мятеж, направлены, например, на свержение конституционного строя, то в действиях последних будет усматриваться именно прямой умысел.

Таким образом, наличие обязательного требования к цели вооружённого мятежа, исключает возможность наличия у последних косвенного умысла в отношении такой цели.

При этом субъективная сторона массовых беспорядков не предполагает наличие какой-либо специальной цели преступных действий, что, в случае наличия цели у конкурирующего состава, позволяет квалифицировать соответствующие действия в пользу «специальной» нормы.

Таким образом, установление мотивов и целей позволяет отграничивать массовые беспорядки от преступлений со смежными составами. Так, цель свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации является признаком вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ). Именно цель в данном случае является признаком, по которому проводится разграничение указанного преступления и массовых беспорядков [47, с. 24].

В связи с этим, установление содержания обозначенной цели имеет важное значение и для вопроса разрешения возникающих противоречий при квалификации сходных действий. Применительно к содержанию целей совершения преступления предусмотренного ст. 279 УК РФ, П.В. Агапов отмечает, что «обозначенные цели во многом взаимосвязаны, в связи с чем, провести семантическое о различие между ними нелегко. Не случайно в

процессуальных документах судебно-следственных органов они указываются, как правило одновременно» [3, с. 68].

В науке относительно вариативности названных целей высказаны и иные соображения. Так, И.М. Агзамов и Т.И. Юсупов пишут: «Характеризуя субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, следует иметь в виду, что отсутствие хотя бы одной из перечисленных в диспозиции целей, а исключает ответственность по исследуемой нами норме» [95, с. 96].

Вместе с тем разделительные союзы «или» и «либо», употребленные законодателем, делают и изложенную позицию уязвимой для критики.

По мнению А.И. Рарога, цель свержения конституционного строя Российской Федерации предполагает стремление насильственным путем упразднить основы) конституционного строя, закрепленные в гл. 1 Конституции РФ, ликвидировать права и свободы, провозглашенные в гл. 2 Конституции РФ, и установить общественный и государственный строй, не соответствующий Основному Закону. В свою очередь, под целью насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации ученый подразумевает «стремление упразднить конституционные институты, органы и учреждения и заменить их институтами, органами и учреждениями, не предусмотренными Конституцией РФ» [62, с. 506].

Как уже указывалось выше, диспозиция ст. 212 УК РФ предусматривающая ответственность за совершение массовых беспорядков, не предусматривает какой-либо специальной цели.

По общему правилу, это означает, что цель совершения массовых беспорядков, может быть абсолютно любая.

Однако, учитывая, что составы массовых беспорядков и вооружённого мятежа практически полностью схожи по признакам субъекта, по содержанию объективной стороны, во многом по содержанию объекта преступного посягательства, разграничение действий виновных лиц

допустимо по признаку наличия или отсутствия обозначенной цели совершения преступления.

Более того, в случае установления любой другой цели, кроме «свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации», действия виновных лиц не могут быть квалифицированы по ст. 279 УК РФ.

Таким образом, в целях подведения итогов данного параграфа, отметим, что массовые беспорядки и вооружённый мятеж обладают большим количеством сходных признаков, что может создать проблемы в процессе квалификации массовых действий, направленных против общественной безопасности, носящих вооружённый характер и направленных против представителей власти и государственных учреждений.

Такие действия сходны по своему объекту, практически полностью идентичны по признакам объективной стороны и по критерию субъекта.

Единственным отличительным признаком, который позволит разграничить данные деяния является специальная цель совершения вооружённого мятежа, которая заключается в насильственном изменении конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации.

Именно на установление цели, которой руководствовались виновные лица и должны быть направлены основные усилия в процессе квалификации соответствующих действий.

Заключение

Подходы к пониманию сущности массовых беспорядков и к конструированию норм, предусматривающих ответственность за их совершение, в различных государствах, кардинально различаются. Относительное единство подхода сохраняется в государствах постсоветского пространства (в первую очередь, это Российская Федерация, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь и Украина). Общими признаками является то, что такие преступления правило посягают не только на общественный порядок, но и на общественную безопасность, такие преступления признаются тяжкими и наказываются значительными сроками наказания.

За совершение организации массовых беспорядков у государств-участников СНГ следует наказание в виде лишения свободы на длительный срок до 8, до 10 или до 15 лет (в зависимости от государства). Во всех рассмотренных примерах государств «постсоветского» пространства наиболее тяжким исходя из размера санкции, составами массовых беспорядков выступает их организация и подстрекательство к совершению массовых беспорядков. При этом, не во всех государствах участие в массовых беспорядках карается уголовной ответственности. Существенно отличается от других государств-участников СНГ уголовно-правовая регламентация массовых беспорядков в Украине, в которой предусмотрена дифференциация ответственности не только по степени участия в их совершении, но и в части наступивших общественно-опасных последствий.

Особенности ответственности в государствах континентальной Европы, а также в США и Великобритании заключаются в том, что там данное преступление, как правило, отнесено к посягающему, на общественный порядок, санкции за их совершение значительно ниже в сравнении с отечественными. В качестве особенностей уголовной ответственности за массовые беспорядки в таких государствах, как Япония, Франция, Швеция и некоторых других необходимо выделить такое условие

наступления ответственности, как невыполнение требований публичных властей по прекращению действий, которые нарушают общественный порядок.

В целом, если сравнивать такие составы преступления с отечественным уголовным законодательством, то в последних довольно трудно различить грань между групповыми хулиганствами и массовыми беспорядками в том смысле, в котором их понимает отечественная правовая система.

Родовым объектом массовых беспорядков выступают как общественная безопасность, так и общественный порядок. В свою очередь, видовым и основным непосредственным объектом массовых беспорядков, является общественная безопасность в её «узком» понимании, в состав которой входит и общественный порядок. В качестве дополнительного непосредственного объекта выступает жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность личности, собственность и порядок управления.

Для целей квалификации действий лиц по ст. 212 УК РФ, массовые беспорядки необходимо определить как активное грубое нарушение общественного порядка неограниченной по численности группой лиц, которое характеризуется массовостью, которые обязательно должны сопровождаться совершением каких-либо из перечисленных действий, как по отдельности, так и в совокупности: насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ, отравляющих или других веществ и предметов, которые представляют опасность для окружающих, либо оказанием вооружённого сопротивления представителю власти.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 и 3 ст. 212 УК РФ может заключаться как в форме прямого, так и в форме косвенного умысла. Это связано с тем, что массовые беспорядки (в части роли организатора, подстрекателя, так и исполнителя совершения преступления) характеризуются высокой степенью неопределённости последствий совершения преступления и действий других участников. В

пользу данного утверждения говорит и то, что содержание умысла на квалификацию деяний по ч.ч. 1 и 3 ст. 212 УК РФ не имеет законодательно установленного значения.

Наличие таких признаков субъективной стороны, как мотив и цель организации или участия в массовых беспорядках, не является обязательными, поскольку об этом не указано в самой норме. Вместе с тем, цель массовых беспорядков и мотивы, которыми руководствуются его участники, имеет значение для индивидуализации меры, применяемой к ним наказания, а значит, играют важную и значимую роль.

Законодателем допущено упущение в части установления низшего порога возраста привлечения к уголовной ответственности, поскольку, по каким-то причинам. Организатор массовых беспорядков отвечает за их совершение только с 16 летнего возраста, а «рядовой» участник – с 14 летнего возраста. Обоснована точка зрения, согласно которой, если лицо в возрасте 14-16 лет смогло стать лидером массового скопления людей, организовав их и руководя ими в целях совершения массовых беспорядков, то, уровень такого лица интеллектуального и волевого развития, достаточно высок, чтобы понимать общественную опасность совершаемых им действий и осознавать характер наступающих последствий. В связи с этим, низший предел уголовной ответственности за организацию массовых беспорядков по ч. 1 ст. 212 УК РФ необходимо понизить до 14 лет, внося соответствующие изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Универсальных критериев, которые позволили бы разграничить массовые беспорядки и групповые хулиганства, совершённые с применением оружия, отсутствуют. Разграничение таких действий возможно только вследствие тщательного и последовательного анализа всех объективных и субъективных признаков совершённого деяния.

Выработан наиболее оптимальный алгоритм квалификации действий, подпадающих под признаки массовых беспорядков и хулиганства:

- в первую очередь, необходимо обратить внимание на мотивы совершённого деяния. Если у лица отсутствуют хулиганские и экстремистские мотивы, то такие действия необходимо квалифицировать как участие в массовых беспорядках (при условии, если данной квалификации соответствуют другие признаки совершённого деяния);
- в случае, если субъективная сторона совершённых действий характеризуется хулиганскими мотивами и побуждениями или мотивами экстремистского характера, то необходимо установить наличие или отсутствие признака массовости совершённых действий и, как следствие, особенности объекта преступного посягательства;
- важно обратить внимание не только на простую количественную характеристику группы людей, но и на то какую опасность несли в себе действия данной группы. Действия толпы характеризуются затруднением в контроле за действиями каждого участника, стихийность действий значительной части толпы, наличие у последних единства в вопросе организации сопротивления представителям власти, наличие тенденции в расширении количества участников и масштабов противоправных действий толпы, наличие реальной угрозы общественной безопасности. Угроза общественной безопасности может свидетельствовать в нарушении нормального функционирования общественно значимых заведений и организаций.
- для разграничения смежных действий, имеет внимание к деталям их совершения. Например, если при совершении действий нарушающих общественный порядок группой лиц, даже с применением оружия, не было совершено насилие, погромы и поджоги и прочие действия, сопряжённые с массовыми

беспорядками, то такие действия, подлежат квалифицировать как хулиганство.

Массовые беспорядки и вооружённый мятеж обладают большим количеством сходных признаков, что может создать проблемы в процессе квалификации массовых действий, направленных против общественной безопасности, носящих вооружённый характер и направленных против представителей власти и государственных учреждений. Такие действия сходны по своему объекту, практически полностью идентичны по признакам объективной стороны и по критерию субъекта.

Единственным отличительным признаком, который позволяет разграничить массовые беспорядки и вооружённый мятеж, является специальная цель совершения вооружённого мятежа, которая заключается в насильственном изменении конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации.

Именно на установление цели, которой руководствовались виновные лица и должны быть направлены основные усилия в процессе квалификации соответствующих действий.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдульманов А.А. О некоторых вопросах совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с массовыми беспорядками. М. : Юрайт, 2015. 238 с.
2. Агаджанян М.А., Манна А. К. Проблемы квалификации хулиганства // Современная наука. 2014. № 4. С. 5-7.
3. Агапов П. В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66-70.
4. Агапов П.В. Ответственность за массовые беспорядки по Уголовному кодексу РФ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 32. Тольятти, 2003. С. 118-120.
5. Агапов П.В. Ответственность за массовые беспорядки по Уголовному кодексу РФ [Электронный ресурс]. URL: // <http://sartraccc.ru/> (дата обращения: 17.04.2020).
6. Акимов В.Т. Понятие массовых беспорядков // Наука и образование сегодня. 2019. № 6-2 (41). С. 92- 94.
7. Алиев Р. Х. Насильственная преступность в России: состояние и проблемы предупреждения // Общество и право. 2008. № 1. С. 165-167.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.07.2019г. № 45-АПУ19-12 //Консультант плюс: справочно-правовая система.
9. Арипов Э. А. Уголовная ответственность за массовые беспорядки (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 218 с.
10. Арипов Э.А. Предупреждение массовых беспорядков // Российский следователь. 2018. № 8. С. 20-22.

11. Артикул воинский 1715 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/articul.htm> (дата обращения: 17.04.2020).
12. Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга [Электронный ресурс]. URL: <https://len-msky-orb.sudrf.ra/>. (дата обращения: 24.05.2020).
13. Багмет А. М. Объективная сторона массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 56-61.
14. Багмет А.М. Объектная направленность массовых беспорядков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 29. С. 32-34.
15. Багмет А.М. Теоретико-прикладные аспекты толкования субъекта массовых беспорядков // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С. 79-82.
16. Вдовиченко К.Г. Актуальные вопросы квалификации массовых беспорядков // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 153-156.
17. Векленко С.В. Спорные вопросы разграничения массовых беспорядков и группового хулиганства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3. С. 7-16.
18. Векленко С.В., Якунин А.И. Законодательная регламентация уголовной ответственности за массовые беспорядки в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3. С. 24-25.
19. Векленко С.В., Якунин А. И. Особенности субъективной стороны массовых беспорядков // Вестник ВИ МВД России. 2011. № 3. С. 4-11.
20. Велиев И.В. Об объективной стороне преступления: монография. М.: Московский университет МВД России, ООО «ЮРКОМПАНИ», 2009. 272 с.
21. Григорьев В.Н. Расследование массовых беспорядков в условиях чрезвычайного положения. М. : Юрайт, 2016. 398 с.

22. Данилов С.А. Регламентация массовых беспорядков в нормах международного права, законодательстве некоторых зарубежных стран и отечественном законодательстве // Вестник КРСУ. 2015. Том 15. № 2. С. 94-97.
23. Демидов Ю.Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М.: Норма, 2017. 264 с.
24. Дубровин А.К. О разграничении форм противодействия сотруднику милиции // Общество и право. 2014. № 2. С. 36-40.
25. Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 267 с.
26. Журкина О В. Мотив совершения хулиганства: теория и практика // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 346-349.
27. Забарин С.Н. Квалификация преступлений участников массовых беспорядков, совершенных на почве межнациональных конфликтов. М. : Эксмо, 2015. 378 с.
28. Зайцев Л.М. Ответственность при массовых преступлениях. М. : Статут, 2018. 468 с.
29. Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992г. № 2446-1(ред. от 26.06.2008) (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.
30. Иванов В.Д. Уголовное право. Особенная часть: учебник. Экзамен, 2003. 343 с.
31. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Особенная часть. М., 2002. 420 с.
32. Ильясов А.З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков: канд. юрид. наук. Махачкала, 1999. 153 с.
33. Кадников Н.Г. К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный

порядок // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 182-187.

34. Кажкеева Б.С. Опыт международного законодательства и отдельных зарубежных стран СНГ, предусматривающих наказание за массовые беспорядки // Костанайский филиал Челябинского государственного университета. 2016. № 4. С. 98-102.

35. Кемова Н.Н. Развитие уголовного законодательства России, предусматривающего ответственность за хулиганство: от квалифицированного состава к родовому понятию // Человек: преступление и наказание. 2016. №2 (93). С. 78-81.

36. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 - начало 1980 гг.). М., 2010. 89 с.

37. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. М.: Спарк, 2010. 789 с.

38. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М., 2010. 690 с.

39. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010. 779 с.

40. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / под общ. ред. В.В. Мозякова М. : Экзамен. 862 с.

41. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.Г. Королькова. М., 2004. 824 с.

42. Кудашкин С. К. К вопросу об объективных признаках составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 101-106.

43. Кудрявцев В.Н. Уголовное право. История юридической науки. М. : Статут, 2015. 614 с.

44. Лушников Ю.Г. Проблемы квалификации статьи 212 УК РФ // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития

сборник материалов международной научно-практической конференции. 2017. С. 464-465.

45. Манойло А.В. Вооруженный мятеж на Украине: тень арабской весны // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 10-18.

46. Марогулова И.Л. Преступления против общественной безопасности. М. : Юнити, 2017. 260 с.

47. Маршакова Н. Н. Классификация преступлений против общественной безопасности // Безопасность бизнеса. 2014. № 4. С. 78-81.

48. Мачехин М. С. Организатор, как субъект массовых беспорядков // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 9А. С. 190-191.

49. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» // Бюллетень ВС КР. 1994. № 12.

50. Мельниченко А. Б., Радачинский С. Н. Уголовное право. Общая и особенная части: учебное пособие. М., 2002. 520 с.

51. Новгородская судная грамота [Электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/articles/38539677/> (дата обращения: 17.04.2020).

52. Новиков А. В. Преступления против общественного порядка, сопряженные с посягательствами на собственность: дис. ... канд юрид. наук. Саратов, 2009. 210 с.

53. Павлов В.Г. О факультативных признаках субъективной стороны хулиганства // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. (45). С. 191-200.

54. Павлов В. Г. Объективная сторона массовых беспорядков // Царскосельские чтения. 2014. № XVIII. С. 41-44.

55. Перфилов К.А. Объект массовых беспорядков // Российский следователь. 2014. № 5. С. 29-31.

56. Перфилов К.А. Субъект массовых беспорядков // Российский следователь. 2018. № 5. С. 29-32.

57. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

58. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3.

59. Пространная Русская Правда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 17.04.2020).

60. Романова А.С. Понятия «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» как обязательные признаки хулиганства: соотношение и характеристика // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 115-122.

61. Романова А.С. Характеристика современного состояния хулиганства // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 71-74.

62. Российское уголовное право: в 2 т. Особенная часть: учебник / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. № и доп. М.: Проспект, 2011. Т. 2. 688 с.

63. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. 460 с.

64. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2001. 430 с.

65. Сергун Е. П. Основные юридико-технические вопросы состава вооруженного мятежа (Ст. 279 УК РФ) // Вестник СГЮА. 2019. № 3. С. 215-227.

66. Ситковская О.Д. Некоторые особенности субъективной стороны отдельных видов общественно опасных действий. М.: Академии управления МВД РФ, 2016. 476 с.

67. Скряля К.Ю. Из истории законодательной мысли - анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года // Научный вестник Крыма. 2019. с (22). С. 1-5.
68. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 17.04.2020).
69. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, А.Я. Аснис, В. Б. Боровиков и др.; под ред. А. В. Галаховой. М.: НОРМА, 2006. 560 с.
70. Тараненко М.М. Субъект массовых беспорядков. // Закон и Жизнь. 2013. 539 с.
71. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. М., 2005. 430 с.
72. Уголовное право Российской Федерации. Общая и особенная части: учебник / под ред. Р.А. Базарова, В.П. Ревина. Челябинск, 2003. 579 с.
73. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Марцева. Омск, 2000. 359 с.
74. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 1996. 450 с.
75. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1998. 767 с.
76. Уголовное право. Практический курс: учебное пособие / под ред. А.Г. Сапрунова, А.В. Наумова. М., 2003. 450 с.
77. Уголовное уложение 1903 года // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 7 (35). С. 222-245.
78. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 17.04.2020).
79. Уголовный кодекс Голландии. СПб. : Юрид.центр Пресс, 2001. 428 с.

80. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.asia-business.ru/> (дата обращения: 17.04.2020).

81. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://online.adviser.kg/> (дата обращения: 17.04.2020).

82. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З [Электронный ресурс]. URL: <http://kodeks.by/ugolovnyj-kodeks-rb> (дата обращения: 17.04.2020).

83. Уголовный кодекс Республики Корея. СПб. :Юрид. центр Пресс, 2004. 512 с.

84. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. №63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

85. Уголовный кодекс РСФСР: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 года (ред. от 25.08.1924) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

86. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

87. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III [Электронный ресурс]. URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 17.04.2020).

88. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/> (дата обращения: 19.04.2020).

89. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018> (дата обращения: 19.04.2020).

90. Уголовный кодекс Швейцарии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.studmed.ru/view/> (дата обращения: 19.04.2020).

91. Уголовный кодекс Швеции [Электронный ресурс]. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 19.04.2020).

92. Уголовный кодекс Японии [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 19.04.2020).

93. Улезько С.И. Классификация объектов преступления // Общество и право. 2013. № 4. С. 70-74.

94. Федеральный закон от 28 декабря 2010г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

95. Юсупов Т. И., Агзамов И. М. Организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации // Закон и право. 2014. № 12. С. 93-97.

96. Якунин А.И. Объект посягательства при массовых беспорядках // Вестник ВИ МВД России. 2011. № 2. С. 170-174.